

И. А. ПОДТЕРГЕРА

Институт славистики Гейдельбергского университета
(Гейдельберг, Германия)
irina.podtergera@slav.uni-heidelberg.de

ГЕРМАНСКОЕ, ЛАТИНСКОЕ И ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОЕ В ЯЗЫКЕ И ТЕКСТЕ СМОЛЕНСКОЙ ГРАМОТЫ 1229 Г.

Смоленская грамота 1229 г. содержит текст одного из ранних международных договоров восточных славян с товариществом германских готландских купцов. Статья исходит из тезиса о том, что старшая, рижская, редакция договора была ориентирована на латинские языковые образцы, а при работе над младшей, готландской, редакцией использовался текст на средненижнемецком языке. Цель статьи — рассмотреть Смоленскую грамоту в контексте латинских и немецкоязычных грамот XIII в. и выявить на уровне языкового оформления отдельных частей формуляра и на уровне синтаксиса условных предложений ее связь с латинской, германской, но также и церковнославянской письменными традициями. После двух вступительных разделов, в которых представлены актуальные взгляды на датировку обеих редакций и обосновывается постановка проблемы, в статье предлагается обзор результатов предшествующих исследований, в которых уже ставился вопрос об иноязычных оригиналах грамоты. Далее делается акцент на культурно-языковые и социолингвистические аспекты использования сакральных и народных языков при письменной фиксации правовых актов в XIII в. В исследовательской части древнерусская Смоленская грамота анализируется с точки зрения следования латинскому формуляру, но одновременно учитывается немецкоязычная рецепция этого формуляра. В латинских грамотах, составленных в Риге в XIII в., обнаруживаются очень близкие, почти дословные параллели к преамбуле рижской редакции грамоты. В свете немецкоязычной традиции адаптации латинского формуляра предлагается новое понимание аренги готландской редакции. Систематический анализ синтаксиса условных конструкций позволяет наглядно показать различия в языковом оформлении условных предложений в обеих редакциях договора, которые объясняются следованием различным языковым образцам. В списках готландской редакции обнаруживаются еще несколько характерных синтаксических германизмов, тогда как ориентирующаяся на латинский формуляр рижская редакция оказывается одновременно связанной с церковнославянской традицией юридических текстов.

Ключевые слова: Смоленский договор 1229 г., латинский дипломатический формуляр, немецкое влияние на древнерусский язык, язык правовых актов, внутренние и внешние языковые контакты

1. Смоленская грамота 1229 г., содержащая торговый и мирный договор смоленского князя Мстислава Давыдовича с Ригой и Готским берегом, неоднократно становилась предметом исторических и лингвистических исследований. На сегодняшний день известно, что договор представлен в

двух редакциях, каждая из которых дошла до нас в трех списках: «рижская» редакция — в списках D, E и F; «готландская» редакция — в списках A, B и C. Исследования В. А. Кучкина и П. В. Петрухина показывают, что обе редакции возникли не одновременно, как считалось раньше, а в разное время [Кучкин 1966: 107–113; Петрухин 2013; Petrukhin 2013]. При этом рижская редакция — более ранняя: ее списки датируются примерно третьей четвертью XIII в., тогда как готландская редакция представляет собой новую версию договора, которая была составлена в новых исторических условиях при смоленском князе Федоре Ростиславиче (1280–1297) [Петрухин 2013: 170–174]. Ее древнейшим свидетелем является список A, долгое время считавшийся подлинником договора 1229 г. [Кучкин 1966: 107]. Однако уже Н. П. Лихачев на основании сфрагистических данных сомневался в правильности этой датировки ([Лихачев 1928: 22–23]; см. об этом [Кучкин 1966; Петрухин 2013: 161–162; Petrukhin 2013: 11]). Исходя из аргументации В. А. Кучкина и П. В. Петрухина, следует признать, что оригинал договора не сохранился (см. также [Зимин 1953: 55; Янин 1970: 108]) или, по крайней мере, до сих пор не обнаружен, а список A является подлинником договора, заключенного Федором Ростиславичем и вышедшего из его княжеской канцелярии в 1284 г.¹ [Петрухин 2013: 172–173].

2. С лингвистической точки зрения Смоленская грамота 1229 г. представляет значительный интерес для изучения как внутренних, так и особенно внешних языковых контактов восточных славян XIII в. По меткому замечанию Эмили Кленин: «the text (...) documents the kaleidoscopically rich language situation that obtained in the Baltic region not only in the Middle Ages but even in modern times» [Klenin 2003: 249; (ср. [Петрухин 2012: 479])] ‘Текст (...) фиксирует пеструю, как в калейдоскопе, языковую ситуацию, сложившуюся в балтийском регионе не только в Средние века, но и в современное время’. Отличительной чертой этой языковой ситуации является многоязычие (см. [Peters 2012/1986: 279–285]). Однако данный аспект до сих пор не стал центральным в исследованиях, посвященных восточнославянскому Средневековью.

В. И. Борковский определял Смоленскую грамоту в свое время как «русский памятник» [Борковский 1944]. Л. П. Якубинский подчеркивал, что в тексте грамоты «мы находим в изобилии материал, иллюстрирующий древнерусский, а не церковнославянский характер ее языка» [Якубинский 1953: 285]. Б. А. Ларин исходил из того, что

[в] смоленской грамоте широко представлены явления, которые уже известны нам из памятников делового языка. Здесь основой (еще более, может

---

¹ В. А. Кучкин склонялся, но без полной уверенности к датировке старшего списка готландской редакции временем правления князя Михаила Ростиславича (1277–1279), полагая, что при Федоре Ростиславиче он был заново подтвержден и скреплен печатью [Кучкин 1966: 112].

быть, очевидно, чем в старых памятниках) выступает именно городская общеразговорная речь [Ларин 2005/1975: 122].

Однако следует принять во внимание, что списки Смоленской грамоты не едины в языковом отношении. Й. Схакен и Е. Братищенко не без оснований придерживаются мнения, что список А (1284 г.) был составлен писцом восточнославянского происхождения, прошедшим профессиональную выучку [Schaeken 2001; Bratishenko 2002]. Интересно то, что список А — единственный, который «с достоверностью может быть признаваем за подлинный акт, писанный в Смоленске» [Соболевский 2006/1886: 121]. Списки В и С готландской редакции и список F рижской редакции не отражают особенностей смоленского диалекта и тем самым не являются смоленскими по языку, как утверждает Й. Схакен [Schaeken 2003]. Из проведенного Й. Схакен лингвистического анализа явствует, что список В (около 1300 г.), скорее всего, вышел из-под пера писца полоцкого происхождения; список С (1-я пол. XIV в.) содержит характерные особенности псковского диалекта, что в свое время предполагал уже А. И. Соболевский [2006/1886: 121, прим. 2]; список F (копия сер. XIV в., протограф сер. XIII в.) был совершенно очевидно составлен новгородским писцом (см. также [Схакен 2002: 325]).

Частично это связано с тем, что договор имел важное политическое значение для восточнославянских княжеств и был распространен по городам, в которых он должен был соблюдаться (Смоленск, Полоцк, Витебск). Это напрямую следует из текста договора. Его содержательная часть (*dispositio*) заканчивается формулой, определяющей сферу действия договора, — так называемой *Pertinenzformel*. Во всех изданиях Смоленской грамоты эта формула, к сожалению, ошибочно представлена как заключительная клауза статьи 37 рижской редакции и статьи 35 готландской редакции (о некорректности такого прочтения см. [Goetz 1916: 291] со ссылками на М. Ф. Владимирского-Буданова). Говоря о формуляре грамоты, это предложение следует читать именно как *Pertinenzformel*, т. е. в данном случае как формулу, регулирующую территориальную сферу действия договора:

- та жо правда боуди роусиноу и немчичю · по смоленской волости · по полоцкской · по витьбьской (D: lin. 143–144; ср. E: lin. 127–128)²;
- та же правда буди русину · в ризѣ и на готьскомъ верезѣ · и нѣмчичю въ смолѣньской волости · и въ по[ло]тьской и въ витебьской (F: lin. 300–305);

² Здесь и далее в тексте список А цитируется по изданию [Treaty], в скобках указывается литера А, а после двоеточия приводятся соответствующие строки. Поскольку более новое издание [Иванов, Кузнецов 2009] мне, к сожалению, было недоступно, ссылки на остальные списки делаются по изданию [СмолГр]. В круглых скобках приводится соответствующая латинская литера, после двоеточия указываются строки. Все цитаты были откорректированы по приложенным к изданию факсимиле списков.

— Таѣа правда · латинескомуꙗ въззати · оꙋ роꙋскои земли · оꙋ възлѣсти · кнаѣа смольнеского ⁘ и оꙋ полотѣского кнаѣа възлѣсти ⁘ и оꙋ витѣвеского кнаѣа · възлѣсти (А: lin. 90–92; ср. В: lin. 158–161; С: lin. 65).

«Псковский экземпляр» (список С), как предполагал П. В. Голубовский (но в таком случае, возможно, также и новгородский список F), мог быть скопирован в Риге по поручению немецких властей, «такъ какъ въ Ригѣ было много купцовъ, проживавшихъ тамъ постоянно, и изъ Пскова, и изъ Новгорода и т. д.» [Голубовский 1895: 127].

Но это еще не все. Списки рижской редакции отличаются от списков готландской редакции языковыми формулировками статей одного и того же или сходного содержания³. Отличия касаются как лексики, так и синтаксиса. В. И. Борковский, традиционно считавший готландскую редакцию старшей, а список А — оригиналом договора 1229 г., писал в связи с этим:

⟨...⟩ Рижская редакция в отношении синтаксических конструкций в такой степени отличается от Готландской редакции, что для нас наиболее вероятным является предположение о составлении ее вновь, лицом, предпочитавшим другие обороты, чем те, которые характерны для составителя Готландской редакции [Борковский 1944: 42; 1958: 69].

В. В. Колесов интерпретировал языковые различия между редакциями патетически как «стремительность языковых перемен» [Колесов 1989: 125].

Однако причины синтаксических, как, впрочем, и лексических, различий следует искать не в стилистических предпочтениях лиц, вовлеченных в составление обеих редакций грамоты, а в их ориентации на разные языковые модели при работе над восточнославянским текстом договора. Должно принять во внимание тот факт, что Смоленская грамота представляет собой один из ранних договоров международного образца, отражающих международное право. В списках, которыми мы сегодня располагаем, письменно зафиксированы достигнутые в результате переговоров соглашения между восточнославянской и немецкой сторонами. Грамота оформлена, как частично показала А. Ф. Литвина, по западноевропейскому, изначально латинскому, дипломатическому формуляру [Литвина 2002: 324]. В заключительной части грамоты приводится список свидетелей договора — это так наз. *corroboratio*. Все это говорит о том, что переговоры велись согласно дипломатическому протоколу того времени. Совершенно естественно исходить из того, что во время переговоров в 1229 г. использовались

³ Имеются, кроме того, и различия в содержании. На основании этих различий В. А. Кучкин и сделал вывод о том, что готландскую редакцию договора следует признать младшей по отношению к рижской [Кучкин 1966: 107–113]. Подробный анализ содержания каждой статьи договора по спискам А и D, с привлечением других списков и с учетом исторического контекста XIII в., в свое время был предложен Л. К. Гётцем [Goetz 1916: 231–304] и А. А. Зиминим [1953: 54–71, 75–85, 88–97].

три языка: латинский как письменный язык западной дипломатии и международного права и как язык делопроизводства Ганзейского союза, средненижненемецкий как *lingua franca* ганзейских торговцев и региональные разновидности древнерусского языка, на которых общались между собой представители восточнославянской делегации (в первую очередь смоленско-полоцкий диалект). Одновременно нельзя сбрасывать со счетов влияние церковнославянской книжной традиции. Ко второй половине XIII в. функции языка права распространились на региональные письменные разновидности немецкого языка: написанные по-немецки документы также стали обладать юридической силой [Schulze 2011: 39–42]. При пересмотре договора в 1284 г. был допустим отказ от латыни для письменной фиксации соглашения [Петрухин 2013: 168–169; Petrukhin 2013: 10–11], тем более что Ганза начиная с конца 60-х гг. XIII в. стала активнее использовать средненижненемецкий язык в контактах с Русью [Сквайрс, Фердинанд 2002: 48–54; Squires 2009: 54–56].

Настоящая статья основывается на результатах упомянутых выше исследований В. А. Кучкина и П. В. Петрухина, согласно которым младшая, готландская, редакция представляет собой не просто обновленную, а переработанную версию договора. Принципиальное значение для лингвистического исследования Смоленской грамоты, а также для понимания ее места в письменности XIII в. имеет тот факт, что хронологически более ранняя рижская редакция была сориентирована на проект или оригинал договора на латинском языке, тогда как при работе над более поздней готландской редакцией использовался текст на средненижненемецком языке [Петрухин 2012; 2013: 165; Petrukhin 2013]. Именно этим, на наш взгляд, и были продиктованы языковые различия, особенно в синтаксических конструкциях.

Цель предлагаемой статьи — рассмотреть Смоленскую грамоту в контексте латинских и немецкоязычных грамот XIII в. и выявить на уровне языкового оформления отдельных частей формуляра и на уровне синтаксиса условных предложений ее связь с латинской и немецкой, но одновременно и с церковнославянской письменными традициями.

3. Вопрос об иноязычных оригиналах Смоленской грамоты уже не однажды поднимался исследователями. Подробный аналитический обзор литературы по этой теме предлагается в отдельной работе, поскольку данный аспект представляет самостоятельный научный интерес [Подтергера 2021].

Несмотря на иную датировку списков А и D и на расхождения во мнениях о языке оригинала договора, ученые XIX — начала XX в. Э. К. Тобин, А. А. Куник, П. В. Голубовский и Л. К. Гётц привели большое число веских языковых аргументов, позволяющих возводить списки рижской редакции к латинскому, а списки готландской редакции — к средненижненемецкому проекту договора [Tobien 1845; Kunik 1868; Голубовский 1895: 110–170; Goetz 1916: 231–304]. Этому же мнению придерживался А. А. Зимин,

полагавший, что послы Мстислава Давыдовича привезли из Риги латинский, а с Готского берега немецкий противни. Оба противня, по А. А. Зимину, были переведены в Смоленске на древнерусский язык, но ни сами аутентичные экземпляры, ни снятые с них копии не сохранились [Зимин 1953: 54–55] (см. также выше 1).

Кроме того, А. А. Куник обнаружил документальные свидетельства, подтверждающие потенциальное существование иноязычных версий договора [Kunik 1868: 408–410], однако сами эти версии на сегодняшний день неизвестны. П. В. Голубовский и Л. К. Гётц обратили внимание на факт обмена экземплярами договора между обеими сторонами, что было обычной дипломатической практикой того времени, подтверждающей взаимную договоренность в заключенной сделке [Голубовский 1895: 125 и особенно 132; Goetz 1916: 299]. Еще одно важное наблюдение Л. К. Гётца касается содержательных различий между редакциями: списки рижской редакции в большей степени отражают интересы русской стороны, тогда как списки готландской редакции составлены с позиций немецкой стороны [Goetz 1916: 298–299].

Иную интерпретацию предложил В. Кипарский [Kiparsky 1939; 1960]. Указав на целый ряд германизмов и якобы грамматические ошибки в тексте грамоты, он пришел к выводу, что не следует искать ни средненижне-немецкого, ни тем более латинского оригинала договора, поскольку договор был изначально написан по-древнерусски немцем, проживавшим в Смоленске и на высоком уровне владевшим древнерусским языком. В. Кипарский считает автором договора упомянутого в тексте Тумаш Смольнянина, чье имя свидетельствует о немецком происхождении его носителя, иначе бы его звали Фомой. После составления договора Тумаш Смольнянин, согласно В. Кипарскому, дал текст на вычитку русским писцам [Kiparsky 1939: 87; 1960: 244–245, 247].

В работах И. С. Кошкина и П. В. Петрухина был проанализирован еще ряд лексических и грамматических германизмов [Кошкин 2008; Петрухин 2012], так что сегодня следует окончательно признать, что при создании списка А действительно использовался текст на средненижне-немецком языке. Данное обстоятельство одновременно свидетельствует в пользу более позднего происхождения готландской редакции договора [Петрухин 2012; 2013; Petrukhin 2013].

4. В исследованиях XIX — середины XX в., как и в работах современных исследователей, защищающих традиционную датировку, не принимается во внимание тот факт, что с исторической и социолингвистической точек зрения немецкая сторона в 1229 г. могла использовать в качестве письменного документа для удостоверения правового акта только латинский текст, поскольку только документы на латинском языке имели юридическую силу. Это было связано с тем, что право в германских землях

Священной Римской империи в первой половине XIII в., а особенно в его первой трети все еще сохраняло свои сакральные основания, поэтому правовые акты письменно фиксировались на языке, одновременно функционировавшем как сакральный язык, но провозглашались они на народном языке [Steinbauer 1989: 37–41].

У нас нет никаких оснований полагать, что Ганзейский союз в 1229 г. сделал исключение для смоленского князя и предложил проект договора на средненижненемецком языке. Такой ход событий не представляется возможным (см. также [Сквайрс, Фердинанд 2002: 52; Squires 2009: 27]). Это означало бы, как подчеркнул П. В. Петрухин, что оригинал списка А «пришлось бы признать по сути первым средненижненемецким текстом, на десятки лет опередившим большинство памятников начального периода развития нижненемецкой письменности» [Петрухин 2013: 169; ср. Petrukhin 2013: 11], а также на многие годы опередившим первые немецкоязычные грамоты вообще. В германистике общепринято мнение, что «[п]оявление первых грамот на немецком языке на территории Священной Римской империи относится ко второй трети XIII в.» [Бондарко 2001: 4], т. е. уже после 1229 г. В корпусе немецкоязычных грамот до 1300 г., включающем на сегодняшний день более 5000 документов [CaOU], только 13 текстов восходят к первой половине XIII в., т. е. датированы до 1250 г. включительно. Из этих 13 текстов только восемь представляют собой собственно грамоты: семь из них написаны на средневерхненемецком языке и одна — на средненидерландском [Schulze 2011: 14–15; ср. Boonen 2010: 29–30]. Самая ранняя из этих грамот, Майнцский имперский мир [CaOU № 4], датирована 1235 г., однако ее немецкоязычные списки датируются более поздним временем [Schulze 2011: 14, прим. 24]. Немецкая версия заключенного в 1238 г. на латинском языке договора между настоятелем монастыря Рюти (под Цюрихом) и графом фон Тоггенбургом [CaOU № 5] датируется на самом деле, как установил Ш. Зондерегер, XIV веком ([Schulze 2011: 14, прим. 24] со ссылкой на [Sonderegger 1987]). Таким образом, самой ранней аутентичной немецкоязычной грамотой в германистике сегодня признается судебный приговор в отношении графов Габсбургов, вынесенный в Базеле в период между 17 февраля 1238 и 23 марта 1239 г. и оформленный как грамота [CaOU № 6; Schulze 2011: 14, прим. 24]. До второй половины 1230-х гг. историческая германистика не знает ни одной грамоты, которая была бы полностью написана по-немецки. Грамоты на средненижненемецком языке появляются еще позже — только в середине 1260-х гг. [Nagel 2002: 38; ср. Squires 2009: 55; Петрухин 2013: 168–169; Petrukhin 2013: 10–11]. При этом показательно, что к числу ранних средненижненемецких грамот относится договор Новгорода с Любеком и Готландом 1268/69 г. [Nagel 2002: 38; ср. Squires 2009: 55]. Но и в данном случае проект договора, на что указывал еще Л. К. Гётц, немецкая сторона предъявила на латинском языке, а перевод на средненижненемецкий был сделан с восточнославян-

ской версии договора [Goetz 1916: 298, 90–166; Squires 2009: 194–203; Хрусталёв, Бондарь 2011].

К 1229 г. еще не был выработан немецкоязычный формуляр грамот. Писать по-латински для западноевропейцев было проще: «Wer im 13. Jahrhundert schreiben konnte und imstande war, eine Urkunde auszufertigen, beherrschte in der Regel auch Latein» [Winkermann 1991: 6] ('Кто в XIII в. мог писать и был в состоянии составить грамоту, тот, как правило, также владел латынью'). Тезис П. В. Голубовского о том, что не все ганзейские купцы понимали по-латински, для языковой ситуации XIII–XIV вв. мало-правдоподобен: «In der Schule lernte der angehende Kaufmann Latein; diese Sprache verwendete er im 14. Jahrhundert zur Führung seiner geschäftlichen Aufzeichnungen» [Peters 2012/1986: 291] ('Будущие купцы учили в школе латынь; [и еще. — И. П.] в XIV в. они использовали этот язык для ведения своих деловых записей'). Перевод делопроизводства на народные языки во всей латинской Европе не был связан с отсутствующими знаниями латыни [Winkermann 1991: 16–17]. Это касается как германских, так и романских и нидерландских земель. Более того,

«...» die mangelnde Kodifizierung der Volkssprache sowie die «Zeitdauer, die für die Genese einer fachsprachlichen Varietät nötig ist», sind vielmehr ein Grund für das Festhalten am Lateinischen (Winkermann 1991: 16 f.). Daher kann für die Skribenten nicht von einer Vereinfachung durch die Verwendung der Volkssprache in den Urkunden ausgegangen werden [Boonen 2010: 25].

«...» отсутствие кодификации народного языка, как и «время, необходимое для генезиса специальной разновидности языка [*scil.*: специальных средств выражения. — И. П.]», в гораздо большей степени заставляют придерживаться латыни. Поэтому нельзя исходить из того, что использование в грамотах народного языка было облегчением для писцов'.

Письменным языком Ганзейского союза вплоть до последней четверти XIV в. оставалась латынь [Peters 2012/1986: 283–285]. Ганзейские города располагали развитыми латиноязычными канцеляриями. Чтобы перейти на использование народного языка для составления грамот, сначала надо было выработать на народном языке систему выражений, воспроизводящих латинский формуляр.

Этот культурно-языковой и социолингвистический контекст исключает составление проекта международного договора на нижненемецком языке в конце 1220-х гг. Но одновременно становится очевидным, что в переговорах с послами Мстислава Давыдовича немецкая сторона должна была использовать латинский текст.

5. Смоленская грамота открывается типичной для латинских грамот аренгой (экзордиумом). По справедливому замечанию А. Ф. Литвиной, это первый известный восточнославянский документ, содержащий аренгу [Литвина 2001: 324]. В рижской редакции (D, E, F) текст аренги сформулирован иначе, чем в готландской (A, B, C):

- (1a) Чѣто са въ которое вѣрема начнетъ дѣяти то оутвърждаютъ грамотою · а быша са не забыли · познайте · на памать держите нынѣшнии · и по сѣмь веремени [Б]оудуучи : : Къ кому си грамота придетъ (D: lin. 1–4);
- (1b) Чѣто са въ которое вѣрема начнетъ дѣяти · то оутвърживаютъ грамотою · а быша са не забыли · познайте · и на памать держите нынѣшнии · и по сѣмь вѣрѣмѣни боудуучи : : Къ кому си грамота придетъ (E: lin. 1–3);
- (1c) а чѣто са в кое вѣре начне дѣяти · то оутвърживаютъ грамотою [sic!] · да быша са не забывали · Познайте · и на памать держите · Нынѣшнии · И по сѣмь времени будущии : : <...> Къ кому си грамота придетъ (F: lin. 1–6, 13);
- (2a) Чѣто са дѣиетъ по вѣремынемъ · то ѿидето по вѣремынемъ · приказано боудѣте добрымъ людѣмъ · а любо грамотою оутвърдаты · како то боудѣте всемъ вѣдомъ · или кто послѣ живзи истанѣтъ са (A: lin. 1–2; ср. C: lin. 1–2);
- (2b) Чѣто дѣиетъ · по временомъ · то ѿиде по временомъ · приказано боудѣтъ · добрымъ · людемъ · а любо · грамотою оутвърдаты · како боудѣтъ всемъ вѣдомо · или кто послѣ · живзи · истанѣтъ (B: lin. 4–7).

Уже первые исследователи Смоленской грамоты, А.-Х. Лерберг и Э. К. Тобин, видели в этих формулировках перевод с латинского и приводили возможные латинские параллели. А.-Х. Лерберг назвал в качестве соответствия для списка А латинскую фразу «Quum ea, quae fiunt in tempore, labuntur cum tempore» [Lehrberg 1816: 263]⁴ ('Поскольку то, что случается в какое-либо время [var.: во времени]⁵, исчезает со временем'). Э. К. Тобин обратил внимание на разницу в формулировках в обеих версиях договора, объяснив различия ориентацией на разные латинские оригиналы [Tobien 1845: 49–50]. Он согласился с приведенным А.-Х. Лербергом соответствием для списка А, в качестве же соответствия для списка D он предположил также встречающееся в латинских грамотах рассуждение: «Si quid memorabile temporaliter agitur, ad successive posteritatis memoriam scriptorum testimonio transferatur» [Ibid.: 50]⁶ ('Если что-то достопамятное в какое-либо время [var.: во времени] совершается, то пусть оно передается письменным свидетельством на память будущему потомству'). Относительное предложение Къ кому си грамота придетъ писец списка D, по мнению Э. К. Тобина [Ibid.], понял как новое предложение, думая о таких начальных формулах латинских грамот, как «Universis <...> praesentem paginam inspecturis» ('Всем <...>, увидевшим [собственными глазами] настоящую грамоту') или «Omnibus hoc scriptum visuris vel audituris etc.» ('Всем <...>, писание это увидевшим или услышавшим, и т. д.').

Интересное наблюдение сделал А. А. Куник, обнаружив подобную аренгу в грамоте, выданной рижскими городскими властями любекским купцам в 1231 г., т. е. всего лишь два года спустя после заключения дого-

⁴ Из грамоты епископа Рижского Альберта от 22 июня 1224 г. [LUB I: 64, № 61].

⁵ О переводе выражений *in tempore* и *temporaliter* см. ниже 5.2.1 и 5.2.2.

⁶ Из грамоты от 24 июня 1287 г., содержащей принятые в Висбю решения купцов, которые посещают Готланд [LUB I: 640, № 518].

вора между Смоленском, Ригой и Готландом [Kunik 1868: 417–418; ср. Литвина 2002: 325]. Грамота опубликована в издании Ф. А. Бунге [LUB I: 146], она начинается словами:

Universis Christi fidelibus, pr[a]esentem paginam inspecturis, consules et cives rigenses perpetua pace gaudere. Quoniam ea, qu[a]e aguntur in tempore, labuntur cum tempore et, nisi scriptis et testimonio roborentur, memoriis hominum facillime excidunt et mutantur; vnde notum esse uolumus pr[a]esentibus et futuris, quod nos etc. [Kunik 1868: 418].

‘Ратманы и бюргеры Риги всем верующим во Христа, кто увидит [var.: прочитает] собственными глазами⁷ настоящую грамоту: $\mathbb{I}_{\text{INSC}}$ Радуйтесь в вечном мире! $\mathbb{I}_{\text{SALT}}$ Поскольку то, что затевается в какое-либо время [var.: во времени], исчезает со временем и, не будучи скрепленным на письме и [заверенным] свидетельством, с величайшей легкостью стирается из людской памяти и изменяется, $\mathbb{I}_{\text{ARNG}}$ потому мы хотим, чтобы стало известно сейчас живущим и будущим поколениям, что мы $\mathbb{I}_{\text{PROM}}$ и т. д. $\mathbb{I}_{\text{NARR/DISP}}$ ’.

Особенный интерес эта грамота, как заметил А. А. Куник [Kunik 1868: 418], представляет еще и потому, что в ней упоминается Фредерик из Любека, который в Смоленской грамоте назван в числе свидетелей заключения договора: *вередрикъ доумомъ из любка* <...> (D: lin. 150–151) или *вредрикъ доумѣъ* <...> из любка (A: lin. 96). К слову сказать, в грамоте рижского епископа Николая Науэна от 9 августа 1231 г. этот же Фредерик из Любека также упоминается в качестве свидетеля, при этом вместе с Рольфом из Касселя (*Rodolfus de Casle*) [LUB I: 146], который в 1229 г. вел переговоры с посланниками Мстислава Давыдовича. В грамоте Николая Науэна от 16 февраля 1232 г. Фредерик вновь упоминается как свидетель в числе других *fratres militiae Christi* — «Божьих дворян» — и называется полным именем *Fridericus Tumme* [LUB I: 162]. К латинскому написанию *Tumme*, скорее всего, восходит передача его фамилии в списке D — *доумомъ*. Имена некоторых из перечисленных в этой грамоте свидетелей также встречаются в списке свидетелей договора Мстислава Давыдовича. Этому аспекту следует посвятить отдельную работу. Он тем более интересен, что в списках рижской редакции при перечислении свидетелей употребляется настоящее время, тогда как в списках готландской редакции те же свидетели перечисляются в прошедшем времени:

(3а) а се же соуть послоуси томоу · регемъ · бодъ · тетартъ · адамъ · горожане · на готъскомъ верезе · мѣмверъ · вередрикъ · доумомъ из любка ти соуть · анд-

⁷ Для латинского глагола *inspectare* и его дериватов я предпочитаю перевод ‘увидеть/прочитать собственными глазами’, поскольку для неумевших читать грамоты зачитывались вслух. В немецкоязычных грамотах это обращение расширилось до *sehen oder hoeren lesen*, т. е. ‘читать видя или слыша’ (‘кто прочитает сам и кому прочитают’) [Schulze 2011: 30–31, 126–127]. Таким же образом эта формула представлена, например, в грамотах великого князя литовского Свидригайла: «хто нань возрить или его чтучи услышитъ» [ГрВКЛ: 5 № 3].

- рикъ · готъ · илиерь · ти же соутъ изъ жюжа·жата · кондратъ кривъи · еганъ · кинотъ · ти же соутъ изъ моуньстера · берникъ · фолкзырь · ти соутъ изъ гроули · яремъ · брахтъ · и алъбрахтъ · ти же соутъ · изъ дортминъи · индрикъ · ѳижикъ · ти же изъ брамъ · алъбракъ · слоукъ · верьнаръ · валтъръ · алверъ · соудина рижьскъи · то же соутъ · рижане (D: lin. 149–156);
- (3b) се ороудинѣ · исправили · оумнии коупчи · регньводѣ · дѣтартъ · адамъ · то бѣли горожане :: на готкомъ березѣ · мьмьвернь · вредрикъ доумѣ · ти бѣли изъ любка :: гиндрикъ готъ · илдигърь · та два бѣла изъ жата · конратъ шхель · вдѣ ягантъ кинтъ · та два бѣла изъ мюньстера · бернаръ · вдѣ вълкеръ · та два бѣла изъ грюнигъ :: кермьберхтъ · вдѣ албрахтъ · та два бѣла изъ дортмина · тиндрикъ цижикъ изъ времьнь · албрахтъ слоукъ · бернартъ · вдѣ валтъръ · вдѣ албрахтъ фоготъ · то бѣли горожане оу ризѣ :: и инехъ много оумныхъ добрыхъ людѣи (A: lin. 94–100).

Это еще одно языковое подтверждение старшинства списков рижской редакции, восходящих, судя по всему, к оригиналу договора. В оригинале все свидетели перечислялись как живущие в настоящее время (1229 г.), тогда как 55 лет спустя (1284 г.) о них говорят уже в прошедшем времени. Перечень свидетелей в списке D также вводится в настоящем времени по латинскому образцу «*Testes huius facti sunt*» (см. в тех же двух грамотах Николая Науэна). В списке A делается ссылка на людей, которые в прошлом подтвердили достигнутое соглашение. Показательно и то, что переговорщик с восточнославянской стороны, которого рижская редакция называет тоумашъ миѳалевичъ (D: lin. 9–10), в готландской редакции зовется тоумаше смолнанинъ (A: lin. 7), что одновременно может свидетельствовать о немецком взгляде на переговорщика: немецкая сторона называет его смольнянином, тогда как славянская сторона зовет его по имени и отчеству. Заметим, кроме того, что составленные в Риге латинские грамоты 1230-х гг., в которых среди прочих упоминаются поименно свидетели договора Мстислава Давыдовича, не оставляют никаких сомнений в том, что участники переговоров с немецкой стороны владели латинским языком и не было необходимости изготавливать для них специально немецкий перевод, как в свое время полагал П. В. Голубовский [1895: 124–125].

5.1. Из процитированной выше грамоты рижских властей явствует, что в Смоленской грамоте выпущены некоторые части начального протокола и контекста. Так, нет инскрипции (*inscriptio*), в которой обозначаются адресаты грамоты, и — в готландской редакции, в отличие от рижской, — нет промульгации как самостоятельной части текста. Промульгация также называется нотификацией или публикацией. Это — формула, вводящая, как правило, с помощью союза *что* либо наррацию, в которой излагаются «обстоятельств[а], предшествующи[е] совершению акта», либо диспозицию, т. е. само распоряжение, собственно правовой акт [Чиркова 2019: 27–28]. Кроме того, в списке A, вероятно, но без абсолютной уверенности, нет ин-

вокации, которая «представляет собой апелляцию к божественному авторитету, освящающему порождаемое актом изменение правовых отношений» [Там же: 27]. В списке D инвокация символически передана знаком креста, что также соответствует западному формуляру [Там же]. Помимо того, в Смоленской грамоте отсутствуют еще некоторые части. Однако соблюдение всех частей формуляра, как известно, не было обязательным [Там же: 27–32]. Поэтому нет оснований делать выводы о неполноте формуляра Смоленской грамоты.

Чтобы предложить адекватную языковую интерпретацию текста, необходимо правильно увидеть его составные части и понять, как они оформлены в языковом отношении. В предлагаемой далее таблице (с. 238–240) Смоленская грамота рассматривается в контексте латинских грамот, составленных в Риге в 1220–1230-е гг. Для сравнения взяты по изданию Ф. А. Бунге три грамоты епископа Рижского Альберта [1]–[3] и упомянутая выше грамота рижских городских властей [4]:

- [1] об основании богадельни в Риге, 1220 г. [LUB I: № 48],
- [2] о введении в конвенте Альберта устава премонстрантов, 1 января 1223 г. [Там же: № 56],
- [3] о назначении брата Альберта Германа епископом Леальским, 22 июня 1224 г. [Там же: № 61],
- [4] с подтверждением передачи в собственность бюргерам Любека двора в пределах городских стен Риги, 1231 г. [Там же: № 110].

Эти тексты особенно интересны, поскольку они вышли из епископской и городской канцелярий Риги, представители которых в той или иной степени имели отношение к составлению письменного текста договора со Смоленском. Грамоты содержат формулировки, очень близкие формулировкам Смоленской грамоты, а в некоторых случаях даже почти дословно совпадающие с ними. Одновременно они иллюстрируют вариативность языкового оформления частей латинского формуляра, а также пропуск некоторых частей, который в таблице обозначается прочерком < — - — >.

Очевидно, что за символически переданной инвокацией в списке D — а также в списке E (lin. 1) — следует аренда, с которой начинается содержательная часть грамоты (контекст). Список А, судя по всему, сразу же открывается арендой, при этом выпущены вообще все части начального протокола, в том числе инвокация. Тем не менее невозможно с уверенностью утверждать, что инвокации действительно нет: в приложенном к изданию [СмолГр] факсимиле списка А посередине листа над *приказано*, а именно над слогом *-ка-*, слабо просматривается начертание, похожее на крест, однако из-за образовавшейся в том месте складки невозможно точно рассмотреть, действительно ли там было изображение креста или это трещины на пергамене. В палеографических описаниях А. А. Куника и Т. А. Сумниковой о наличии креста ничего не говорится [Kunik 1868: 411; СмолГр: 52]. Но показательно, что текст списка С начинается заставкой, которую Т. А. Сумникова комментирует как «поясное изображение юного

Таблица 1

Формуляр грамоты: структура начального протокола и контекста

Формуляр	Латинские грамоты [1]–[4]	Смоленская грамота	
		Список D	Список A
Invocatio	[1] In nomine sanctae et individuae trinitatis.	✚	- — - (?), ср. С
	[2] — — -		
	[3] — — -		
	[4] ? (см. < : > перед началом текста)		
Intitulatio	[1] Albertus, Dei gratia Rigensis episcopus,	- — -	но ср. В [lin. 1–3]: Сє азъзъ князь · смоленьскыи · власкыи азъзъ <...>
	[2] Albertus, Dei gratia Rigensis episcopus,		
	[3] Albertus, Dei gratia Livoniensis episcopus,		
	[4] — — -		
Inscriptio	[1] universis praesentem paginam inspecturis in perpetuum.	- — -	
	[2] universis, ad quos haec pagina perveniet,		
	[3] omnibus hoc scriptum legentibus		
	[4] Universis Christi fidelibus, pr[a]esentem paginam inspecturis, consules et cives rigenses		
Salutatio	[1] — — -	- — -	- — -
	[2] salutem in Domino.		
	[3] salutem in eo, qui est salus omnium.		
	[4] perpetua pace gaudere.		

Формуляр	Латинские грамоты [1]–[4]	Смоленская грамота	
		Список D	Список A
Arenga	[1] Ea, quae in pias causas statuuntur, videlicet in religiosas domus, ad hospitalia seu pauperum sustentationes, ne cum tempore labantur aut oblivitione tradantur, sua decet firmitate muniri et ad notitiam posterorum transmitti.	<p>У то са въз которе вѣрема нагнетъ дѣяти то оутверждють грамотою · а быша са не забъли ·</p>	<p>У то са дѣиетъ по вѣремынемъ · то ѿидето по вѣремынемъ · приказано боудѣте добрымъ людемъ · а любо грамотою оутверждать · како то боудѣте всемъ вѣдомъ · или кто послъ жизни встанѣтъ са</p>
	[2] — — —		
	[3] Quum ea, quae fiunt in tempore, labuntur cum tempore, necesse est, ut ea, quae in ecclesia Dei utiliter disponuntur, ad posterorum notitiam scripta transferant.		
	[4] Quoniam ea, quae aguntur in tempore, labuntur cum tempore et, nisi scriptis et testimonio roborentur, memoriis hominum facillime excidunt et mutantur;		
Promulgatio	[1] Unde notam facimus, quod	<p>познаите · на память держите нагнѣшнии · и по сѣмъ веремни [6] оудочти : Къ кому оу си грамота придеъ</p>	<p>- — -</p>
	[2] — — —		
	[3] Quapropter notum esse volumus tam futuris quam praesentibus,		
	[4] vnde notum esse uolumus presentibus et futuris, quod		

Фор- муляр	Латинские грамоты [1]–[4]	Смоленская грамота	
		Список D	Список A
Narratio	[1] — - -	того лѣта · коли вѣпъ дѣзвѣрхъ · кнѣзь мѣстиславъ · рижьскъи мѣрѣ · кнѣзь мѣстиславъ · дѣлѣ · покладае свое мѡужѣ <...> [lin. 4–21]	того лѣ · коли дѣзвѣрхъ · вѣ · рижьскъи мѣрѣ · дѣ · дѣлѣ · мѣстиславъ · приславае въ ригу <...> [lin. 2–13]
	[2] Ad plantandam ecclesiae nostrae religionem conventum nostrum de ordine Praemonstratensi instituere cupientes <...>		
	[3] qualiter in partibus Livoniae, <...> Theodoricum, abbatem <...> ad titulum Lealensem in Estonia episcopum ordinavimus.		
	[4] — - -		
	[1] ad usus pauperum infirmantium <...>		
Dispositio	[2] Concedimus igitur <...>	А се почитоуеъ правдѣ · [lin. 21–143]	Здѣ почитаетъ са правда · [lin. 14–90]
	[3] <...>		
	[4] nos de communi consilio <...>		

безбородого святого с кудрявыми волосами под нимбом в омофоре с книгой в руках» [СмолГр: 56], не соглашаясь с мнением А. А. Куника, который видел в этом изображении «образ Христа с евангелием в руке» (ср. [Kunik 1868: 414]). Думается, что эта заставка и заменяет символически инвокацию, причем А. А. Куник был, предположительно, прав, видя в ней образ Христа. Параллели в данном случае следует искать скорее в западных изображениях Христа, а не в древнерусских, на которые ссылается Т. А. Сумникова. В списке В (lin. 1–3) сделана приписка от имени смоленского князя Александра Глебовича. Особенно показательно то, что она соответствует интитуляции западного формуляра грамот. Все остальные части начального протокола во всех списках выпущены. Это могло быть обусловлено тем, что договор заключался между группами участников с обеих сторон, представляющих как клир, так и светскую власть, а также торговые сообщества; все они одновременно были адресатами достигнутых соглашений. Еще точнее говоря, это договор между институтами. Случаи, когда в грамотах был выпущен или иначе представлен начальный протокол, многочисленны в западной канцелярской и дипломатической практике того времени, см. [LUB I: №№ 74–76, 78–79, 164]. Более того, установлено, что при переносе на народные языки, например на региональные варианты немецкого языка, латинский формуляр упрощался [Schulze 2011: 9]. Эта же тенденция наблюдается в Смоленской грамоте: западный формуляр соблюден в ней в той мере, которая требовалась для оформления в виде грамоты текста договора.

5.2. обстоятельный филологический анализ аренги в Смоленской грамоте предложила А. Ф. Литвина, включив ее в контекст бытования подобных формул в латиноязычных грамотах Германии, Франции и Польши и особенно в восточнославянских канцеляриях Великого княжества Литовского [Литвина 2002]. Исследователь исходит из того, что данная часть текста в обеих редакциях грамоты переведена с латинского. Более того, она полагает, что обе редакции восходят к одному и тому же латинскому оригиналу [Там же: 328]. В готландской редакции, по мнению А. Ф. Литвиной, этот латинский оригинал переведен пословно, однако переводчик «не всегда располагал средствами, необходимыми для построения аналога латинской синтаксической конструкции» [Там же]. В отличие от этого, составитель рижской редакции, «хорошо понимавший латинский текст и не чуждый русской книжной образованности (...), пошел не по пути калькирования конструкции оригинала, а по пути передачи общего смысла, как он его понимал» [Там же].

А. Ф. Литвина не исключает полностью «возможност[и] того, что латинский оригинал сначала был переведен на немецкий язык и потом — с немецкого на русский», но ко времени работы над статьей ей не были известны документы XIII в. с немецкоязычной аренгой [Там же: 325–326]. На наличие таких документов для списка А указал П. В. Петрухин [2012:

481–482] (см. ниже 5.2.2). В германистике также имеются исследования, специально посвященные средневековым немецкоязычным аренгам в сравнении с латинскими [Fichtenau 1957: 157–182; Reiffenstein 1969]. А. Ф. Литвина была права в том смысле, что ко времени составления оригинала договора (1229 г.) немецкоязычные аренги еще не получили распространение и фактически еще не существовали. Однако проблема заключается в том, что, исходя из латинского языкового оформления аренг, А. Ф. Литвина анализирует языковое оформление аренги в списке А, восходящем к немецкоязычному оригиналу. В результате она и приходит к выводу о «[н]екотор[ой] невразумительност[и] русского текста аренги в списках готландской редакции», что

объясняется, видимо, тем, что переводчик не вполне усвоил синтаксическую конструкцию оригинала или не нашел адекватных средств для ее передачи и при переводе просто опустил существенный для ее построения элемент (или элементы) [Литвина 2002: 327].

Но это не так. Прав П. В. Петрухин, утверждавший, что

[п]одлинный смысл, который в этот текст вкладывали составители грамоты, восстанавливается только путем сравнения с аналогичными фрагментами средневековых западноевропейских актов» [Петрухин 2012: 481].

Для аренги рижской редакции следует искать параллели в латинских грамотах, аренгу готландской редакции следует анализировать в немецкоязычном контексте рецепции латинских аренг. При этом надо принимать во внимание, что перевод мог быть достаточно свободным, что, например, было характерно для немецкоязычных аренг XIII в. [Reiffenstein 1969; Schulze 2011: 9].

5.2.1. Относительному предложению *Уто са въ которое вѣрема начетъ дѣяти* соответствуют в латинских грамотах прототипически такие формулировки, как «*quae aguntur/geruntur/fiunt in tempore*» (см. примеры выше и в [LUB I: №№ 206, 299, 305, 447; и мн. др.]) или также «*quid <...> temporaliter agitur*», как предполагал Э. К. Тобин (см. 5). Предложные группы *въ которое вѣрема* и *in tempore* являются достаточно близкими эквивалентами, при этом неопределенным местоимением подчеркивается значение ‘в какое бы то ни было [время]’, ‘в какое-либо [время]’. Не станем исключать того, что в латинском оригинале формулировка была формально еще более близкой — *quodam tempore*, хотя заметим, что в корпусе ливонских грамот XIII в. нам ни разу не встретилось такое сочетание. Исходное значение латинской лексемы *tempus* — ‘*Zeitteil, Zeitabschnitt*’, ‘*die Zeit als ein bestimmter Zeitpunkt*’ [Georges II: 3052], т. е. ‘часть времени, отрезок времени’, ‘время как определенный момент времени’. Именно такое понимание времени представлено в древнерусской версии аренги. Это подтверждается употреблением лексемы *время* в сочетании с определенным местоимением *сеи*

в следующей далее промультации: по сѣмъ времени [в]оудуѣчи. В исходном латинском выражении *время* может пониматься в философском смысле, т. е. время как ‘одна из форм существования материи’. Древневосточно-славянская письменность знала такое словоупотребление (см. примеры в [СДРЯ I: 493]). А. Ф. Литвина справедливо замечает, что в латинской аренге «выражено противопоставление временности того, что происходит во времени и ничем не засвидетельствовано, и вечности того, что записано и закреплено свидетельством» [Литвина 2002: 237]. Такое же понимание лексемы *tempus* в латинских аренгах гнездинских архиепископов XIV в. представлено в исследовании З. Вильк-Вось [Wilk-Woś 2016: 151–152]. В этом случае мы должны переводить предложную группу *in tempore*, а также наречие *temporaliter* как *во времени*. Но это не дает нам оснований считать перевод ‘в какое-либо время’ ошибочным. С точки зрения языка он в такой же степени оправдан. Более того, засвидетельствованы варианты той же латинской аренги, но с пониманием времени в значении периода, отрезка времени, как, например, в грамотах князя Польского Владислава I Локетка (1298 г.): «⟨...⟩ ea que *etatis nostre tempore* peraguntur, literis ac testibus perhenniter confirmamus» [KDW II: Nr. 795] (‘⟨...⟩ то, что во время нашей жизни происходит, мы утверждаем на веки грамотами и свидетельствами’) или «⟨...⟩ cum ea que *nostro tempore* peraguntur, testibus et literis memoriter perennamus» [Ibid.: Nr. 799] (‘⟨...⟩ то, что в наше время происходит, мы увековечиваем в памяти свидетельствами и грамотами’). Такая же формулировка аренги встречается в одной из грамот опольских герцогов первой половины XIII в. [Wójcik 2016: 129]. Понимание времени как определенного периода или отрезка времени поддерживалось латинскими промультациями, в которых в качестве адресатов называлось поколение настоящего и будущего времени: *tam praesentes quam futuri [temporis posteritas]* (см. ниже). По всем этим причинам перевод *въ которое въ время* мы считаем корректным: он передает исходное значение лексемы *tempus* (см. также ниже 5.2.2).

Чтение в коє вѣ в списке F синонимично чтению списков D и E. Личная форма глагола *начнѣтъ/начнѣть*, скорее всего, указывает на итеративность — ‘всякий раз, когда что-то делается/происходит’. Итеративная семантика присутствует в латинской глагольной группе *aguntur in tempore*. Матричному предложению *то оутвържють грамотою* соответствуют в латинских текстах такие формулировки, как «ea ⟨...⟩ scriptis ⟨...⟩ roborentur» (см. 5 и 5.1, Таблицу 1) или «quod litterarum testimonio ⟨...⟩ firmatur» [LUB I: № 143], а также «consuetum est scripturae patrocinio roborari» [Ibid.: № 206], «convenit scripturarum praesidio communire» [Ibid.: №№ 213, 227, 267] и др. Чтение в списке B — *то оутвърживають грамотою* — подчеркивает в главном предложении итеративную семантику предиката *начнѣть* зависимого предложения. В списке C необходимость письменного засвидетельствования передана формой императива: *то оутвърживайте грамо[то]ю*. Параллелью для целевого придаточного *а възша са не забыви* является «ne ⟨...⟩ oblivione tradantur»

(см. Таблицу 1), при этом древнерусская форма сослагательного наклонения имитирует латинский конъюнктив в целевой конструкции с союзом *ne*.

В качестве даже если не дословно совпадающих, но тем не менее очень близких аренг из корпуса латиноязычных ливонских грамот укажем в дополнение к выше названным на еще две:

- (4a) *Ea, quae geruntur in tempore, ne simul ab humana memoria labantur cum tempore, scripturae testimonio solent perhennari* [LUB I: № 404] ('Чтобы то, что совершается в какое-либо время [*var.*: во времени], не стерлось из человеческой памяти вместе со временем, его обычно увековечивают письменным подтверждением [*var.*: свидетельством]') и
- (4b) *Ea, quae geruntur in tempore, ut in oblivionem cum tempore non labantur, solent litterarum testimonio perhennari* [Ibid.: № 432] ('Чтобы то, что совершается в какое-либо время [*var.*: во времени], не пришло в забвение со временем, его обычно увековечивают подтверждением [*var.*: свидетельством] грамот').

А. Ф. Литвина приводит большое число очень похожих по содержанию и языковому оформлению аренг из великопольских грамот [Литвина 2002: 322–323] (см. также [Wilk-Woś 2016: 157, прим. 45]). Все эти аренги объединяются единой целью: они обосновывают необходимость письменной фиксации события [Fichtenau 1957: 130–135; Schulze 2011: 42].

Исходя из всего вышеизложенного и принимая во внимание лексическое оформление восточнославянской аренги по спискам рижской редакции, ее латинский оригинал по параллелям в ливонских актах XIII в. можно реконструировать примерно следующим образом: **Ea, quae aguntur in tempore, ne oblivione tradantur, solent scriptis roborari*. Другие варианты, при этом с большим набором компонентов, также возможны, особенно потому, что не следует ожидать, что перевод был абсолютно дословным. Любопытны в этом отношении результаты исследования немецкоязычных аренг:

Die auch im Lateinischen vorhandene Variationsbreite der Formulierungen ist frei — nicht Wort für Wort — und mit vielen regionalen und individuellen Abwandlungen übertragen oder eher selbständig formuliert [Schulze 2011: 9].

‘Характерный также для латинского языка диапазон варьирования в формулировках передается свободно — не слово в слово — и с большим числом региональных и индивидуальных отклонений или, скорее, формулируется самостоятельно’.

Текст договора должен был быть понятен каждому, тем более что его могли зачитывать вслух. Понятность текста была важнее точного воспроизведения конструкций оригинала. Как замечает Г. Фихтенау: «Urkunden und ihre Arengen mußten <...> auch dem „kleinen Mann“ verständlich bleiben, sonst wäre ihre öffentliche Verkündung sinnlos gewesen» [Fichtenau 1957: 9] ('Грамоты и их аренги должны <...> были оставаться понятными также для

„маленького человека“, иначе заключенное в них публичное сообщение было бы бессмысленным»). Эти прагматические аспекты, о которых мы сегодня в древневосточнославянской письменности слишком мало знаем, непременно должны стать предметом специального исследования.

Наряду с аренгой А. Ф. Литвина выделяет также промульгацию [Литвина 2002: 324]. Однако о промульгации можно говорить по отношению к спискам рижской редакции, но в списках готландской редакции ее совершенно точно нет как самостоятельной синтаксической конструкции, как части текста (см. 5.2.2). Как уже отмечалось выше (5.1), промульгация — это формула, содержащая волеизъявление отправителя грамоты, которое доносится до сведения адресатов. Промульгация зачастую (но не всегда) заканчивается союзом *quod*. Следующая далее информация (*narratio* или *dispositio*) должна выступать как грамматический объект волеизъявления:

- (5a) A memoria hominum facile labitur, quod litterarum testimonio non firmatur, unde notum esse cupimus universis praesentis cartulae inspectoribus, quod nos <...> [LUB I: № 143] ('Из человеческой памяти легко исчезает [то], что не было подтверждено письменным свидетельством, потому мы хотим, чтобы было известно всем, кто собственными глазами прочитает настоящую грамоту, что мы <...>');
- (5b) Labilis hominum requirit memoria, ea, quae robur perpetuitatis exigent, scripti testimonio perhennari. Noverint igitur tam praesentes, quam futuri temporis posteritas, quod nos <...> [Ibid.: № 486] ('Мимолетная память человеческая требует увековечивать свидетельством письма то, что будет вытеснено прочностью вечности. Потому пусть знают как нынешнии, так и потомство будущего, что мы <...>');
- (5c) Necessarium est in scripturam authenticam redigi, quod in memoria hominum debet perpetuo conservari. Scire igitur volumus universos praesentium inspectores, quod nos <...> [Ibid.: № 449] ('Необходимо обращать в подлинное письменное свидетельство то, что вечно должно храниться в человеческой памяти. Поэтому мы хотим, чтобы знали все, собственными глазами видящие настоящее [писание], что мы <...>').

В списках рижской редакции предложение *познайте · на память держите* нзынѣшнии · и по сѣмъ веремени [в]оудоучи : : Къ кому си грамота придетъ допустимо интерпретировать как промульгацию, если исходить из того, что оно содержательно направлено на следующие далее части текста, т. е. что его коммуникативная цель состоит в том, чтобы в императивной форме призвать нынешнее и будущее поколения узнать и запомнить обстоятельства создания договора и его содержание, т. е. информацию, которая в дальнейшем будет изложена. Такое понимание этого высказывания вполне оправдано (см. также [Литвина 2002: 324]). Для всех его частей опять же можно найти соответствия в латинских грамотах. Так, императив *познайте* соотносится как с *notum esse*, так и с *noverint*: обе формы в контекстах, в которых они

употребляются в промультации, передают семантику долженствования и призыва к — в данном случае интеллектуальному — действию, что в восточнославянском переводе выражено императивом. Для фразового глагольного сочетания (в терминах Петера фон Поленца — *Funktionsverbgefüge*) на память держите мы не нашли дословных соответствий в первом томе издания Ф. А. Бунге. Но заметим, что прототипом этого выражения, скорее всего, следует считать латинское фразовое сочетание *memoria tenere* ‘держат в памяти; помнить’, которое, не будучи засвидетельствованным в первом томе Ф. А. Бунге, тем не менее достаточно часто встречается в средневековых латинских грамотах. Кроме того, мотив памяти был устойчивым в начальных частях грамот:

- (6a) Honorius etc. universis Christi fidelibus per Russiam constitutis salutem etc. Legistis, ut credimus, et *memoriae commendastis*, qualiter <...> [LUB I: № 66] (‘Гонорий и т. д. всем верующим во Христа, на Руси находящимся, здравия и т. д. Вы прочитали, как мы верим, и запомнили [дословно: *вверили памяти*], как <...>’);
- (6b) Rudolfus, Dei gratia Romanorum rex semper augustus, omnibus Romani imperii fidelibus, ad quos praesens pagina pervenerit, *in memoriam sempiternam* [Ibid.: № 438] (‘Рудольф, Божией милостью римский король, всегда священный, всем верующим Римской империи, к кому придет эта рукопись, *на вечную память*’);
- (6c) Emundus, D. g. Curoniensis ecclesiae episcopus, universis Christi fidelibus, ad quos praesens scriptum pervenerit, salutem et benedictionem a Domino. *Ad perpetuam rei memoriam* praesentibus potestamur, quod <...> [Ibid.: № 534] (‘Эмунд, Божией милостью епископ курляндской церкви, всем верующим во Христа, к кому придет это письмо, здравия и благословения от Господа. *На вечную память о событии* мы распоряжаемся настоящим [письмом], что <...>’).

В последнем примере темой вечной памяти (*formula perpetuitatis*) открывается именно промультация.

Эквивалентом для обозначенных в промультации списков рижской редакции адресатов является часто встречающаяся формула «*tam praesentes, quam futuri temporis posteritas*» (см. (5b)) или ее варианты, например:

- (7a) Ea, quae geruntur in tempore, ne simul cum cursu temporis elabantur, convenit scripturarum praesidio communiri, quae rerum seriem incommutabili veritate locuntur. Ideoque notum esse volumus cunctis Christi fidelibus, *tam praesentibus quam futuris*, quod nos <...> [Ibid.: №№ 227, 267] (‘Чтобы то, что совершается в какое-либо время [*var.*: во времени], не исчезло вместе с бегом времени, подобает укреплять его посредством записей, которые с незыблемой истиной говорят о веренице событий. А потому мы хотим, чтобы стало известно всем верующим во Христа, *как нынешним, так и будущим*, что мы <...>’);

- (7b) Ea, quae in tempore fiunt, ut post lapsum temporis a memoria non recedant, litterarum testimonio perhennantur, et scriptis autenticis stabilitate perpetua confirmantur. Igitur tenore praesentium *tam praesentibus quam futuris* notum esse volumus et apertum, quod nos (...) [Ibid.: № 447] ('Чтобы то, что бывает в какое-либо время [*var.*: во времени], с течением времени не удалилось из памяти, его увековечивают письменными свидетельствами и подлинными письмами утверждают на вечную прочность. Поэтому содержанием настоящего документа мы хотим, чтобы *как нынешним, так и будущим [поколениям]* стало известно и открылось, что мы (...)').

Особенный интерес представляет в связи с этим написанная в Риге в 1263 г. осведомительная грамота литовского князя Герденя о заключении мирного договора и установлении торговых отношений между Ригой и Готландом, с одной стороны, и Полоцком и Витебском — с другой. На эту грамоту обращал внимание Л. К. Гётц, приводя дополнительные примеры ганзейских грамот, составленных по западному формуляру и касающихся контактов с восточными славянами [Goetz 1916: 232] (обстоятельный комментарий к грамоте см. в [ПолГр II: 7–10]):

Князь Гердень кланяется всемъ темъ, кто видить сую грамоту, тие люди, что ныне живи суть, а темъ, кто напосле приидуть, тѣмъ вѣдомо буди, какъ миръ есмы створили промежи местеря и с ратьманы Рижьскими, и с Полочаны и Видьбляны тако, како грамота написано (...) [Napierksy 1868: № XXV^a].

Как видим, грамота начинается приветствием, за которым обозначены адресаты по модели *universis praesentium litterarum inspecturis tam praesentibus quam futuris* или *tam praesentes quam futuri temporis posteritas*. Далее следует эксплицитно оформленная промульгация: *тѣмъ вѣдомо буди, какъ*. На то, что грамота Герденя написана по западному формуляру, указывала в комментариях к изданию грамоты А. Л. Хорошкевич [ПолГр II: 9].

Также многочисленны соответствия для относительного предложения *Къ комуу си грамота придесть*: «ad quos praesens scriptum pervenerit» [LUB I: №№ 343, 374] или «ad quos litterae istae [*var.*: haec litterae] pervenerint» [Ibid.: №№ 60, 67].

По параллелям в ливонских актах XIII в. латинское оформление промульгации в списках рижской редакции восстанавливается примерно следующим образом: **Noverint et memoria tenuerint* [*var.*: *Noscite et memoria tenete* / *Noscant et memoria teneant*] *tam praesentes quam futuri* [*temporis posteritas*], *ad quos hoc scriptum pervenerit*.

Таким образом, близость вступительной части списков рижской редакции к языковому оформлению формуляра латинских грамот, на наш взгляд, очевидна. Несмотря на то что для каждого древнерусского предложения можно найти соответствие в латинских грамотах, следует все же исходить из того, что восточнославянский переводчик, скорее всего, не делал дословного перевода, а адаптировал латинский текст для своих соотечест-

венников, передавая его смысл, но отказавшись передавать в полном объеме конструкции оригинала. Такого же мнения придерживается А. Ф. Литвина [2002: 328].

5.2.2. Списки готландской редакции прототипически также восходят к латинскому формуляру. Кроме того, невозможно исключить, что латинский текст использовался наряду с текстами на средненижненемецком и древнерусском языках, как это было при заключении упомянутого выше новгородского договора с немцами 1268/69 г. Но многочисленные лексические, как и некоторые грамматические германизмы списка А (см. подробный обзор в [Подтергера 2021]) явно свидетельствуют о существовании немецкой версии договора. Немецкое влияние в готландской редакции проявляет себя также на уровне свободной адаптации частей формуляра, в частности — аренги, и на уровне синтаксиса.

На одну из немецкоязычных аренг середины XIII в., содержащую мотивы непостоянства времени, ненадежности человеческой памяти и необходимости предавать события письму, вслед за Э. Кленин указал П. В. Петрухин [Klenin 1983: 63; Петрухин 2012: 482]. Приведем для сравнения еще три немецкоязычных аренги из грамот конца XIII в.⁸

- (8a) Sit ellv dinch zerganchklich sint · vnd def menschen gehugede langer fteti nvt enhat / So ist gewonlich vnde recht daz man mit lhrift beftete fwaf man endelicher dinge in disen tagen zelhaffen hat / dur daz / daf du lhrift der selben dingen / ein ewige vrkvnde müge sin · Da von so kvndin wir / <...> Allen dien die disen brief lefent oder hörint lefen · daz wir <...> [CaOU: № 506] ('Поскольку все вещи непостоянны и не хранятся длительное время в человеческой памяти, потому существует обыкновение и оно справедливо закреплять письмом важные дела, которые в эти дни должны быть сделаны; благодаря записыванию тех же самых дел они будут навечно засвидетельствованы. Таким образом мы <...> сообщаем всем тем, кто будет читать и услышит прочитанным это письмо, что мы') — 1282 г.;
- (8b) Wan in der vnstæten zegænhlichen [*sic!*] zit elliv irdischen dich vnstæt vnd zergænhlich sint / so ist des dvrrft daz man Alle gvte getat der man lange gedencen sol / vnd wil mit brieven vnd mit infigeln also vesten vnd bestætigen/ daz ir die lebentigen lvtē iht vergezzen! vnd di chvntftigen dar / an iht zwiveln / Da von ich <...> vergih vnd tvn chvnt allen den di disen brief sehen vnd hören / daz ich <...> [Ibid.: № 1104B] ('Поскольку в непостоянное скоротечное время все земные дела

⁸ Эти примеры восходят к грамотам на средневерхненемецком языке. Из перечисленных у Н. Нагеля средненижненемецких грамот только две содержат аренгу: № 14 (ср. [CaOU: № 1310B]) и № 25 [Nagel 2002: 39–44]. Обе аренги по формулировке в меньшей степени совпадают с аренгой Смоленской грамоты, поэтому мы их здесь не учитываем.

непостоянны и скоротечны, то необходимо, чтобы все благие дела, которые люди должны или хотят долго помнить, закреплялись и подтверждались письмами и печатями, чтобы вы, живущие, не забывали [их]! и будущее поколение в них не сомневалось. Потому я признаю и сообщаю всем тем, которые читают и слышат это письмо, что я <...>' — 1289 г.;

- (8c) Wan alles des daz geschiht / lihte vergezzen wirt / ez werde danne der gehv̇ge enpholhen / mit der geschrift / vnd mit geziggen / Darvmb ich <...> tv̇n chvnt allen den / die difen brief an sehent / daz ich <...> [Ibid.: № 1901; ср. Reiffenstein 1968: 185] ('Поскольку все, что случается, легко забывается, то его передают [*var.*: рекомендуют] памяти с помощью грамот и свидетелей. Поэтому я <...> сообщаю всем тем, которые увидят это письмо, что я <...>') — 1294 г.

Как видим, все эти аренги содержат те же топосы, что и латинские аренги: время, память, письменный текст. Как уже упоминалось выше, они представляют собой не только риторическое украшение, но обосновывают необходимость записывать правовые акты. На основании того, что в немецких грамотах явно доминируют аренги, тематизирующие значение письменной фиксации произошедшего, достигнутых договоренностей, заключенных сделок и т. д., И. Райфенштайн приходит к выводу,

<...> daß es für die Aussteller (oder Empfänger) volkssprachiger Urkunden ein besonderes Bedürfnis gewesen sein muß, die Notwendigkeit oder Nützlichkeit der schriftlichen Fixierung von Rechtsgeschäften herausstellen [Reiffenstein 1986: 662].

'<...> что те, кто выдавал (или получал) грамоты на народном языке, должно быть, ощущали особенную потребность подчеркнуть необходимость и пользу письменной фиксации правовых сделок'.

Преамбула готландской редакции Смоленской грамоты вызывала затруднения у многих исследователей. А. А. Зимин, комментируя в параллельном издании списков А и D обе редакции договора, замечал: «Вступительный абзац (ввиду того, что перед нами списки с разных переводов договора) не вполне ясен» [Зимин 1953: 76]. А. Ф. Литвина, как и в случае со списком D, разделила вступительную часть грамоты по списку А на аренгу (‘Что са дѣють <...> грамотою оутвѣрждать’) и промульгацию (‘како то воудѣте всемъ вѣдомъ · или кто послѣ живъи встанѣтъ са’) [Литвина 2002: 324]. В результате, как уже упоминалось выше, она пришла к выводу о некоторой невразумительности вступительной части грамоты в списке А (а также в списках В и С), полагая, что выпущен один из элементов прототипической синтаксической конструкции (см. выше 5.2). П. В. Петрухин допустил два варианта прочтения. Первый согласно гипотезе А. Ф. Литвиной предполагает пропуск элементов в древневосточнославянском переводе, а именно отсутствие соответствий латинским союзам *nisi* ‘если не’ или *ne* ‘чтобы не’ [Литвина 2002: 327]:

Что происходит во времени, со временем проходит (далее должны были следовать примерно такие слова: если не будет зафиксировано письменно и не будут привлечены свидетели). Да будет (это соглашение) объявлено добрым людям или утверждено грамотой, так чтобы было всем известно, (а также) тем, кто будет жить потом (после нас) [Петрухин 2012: 481–482].

Перевод элемента *как* то целевым выражением *так чтобы* восходит к работе А. А. Зализняка, предложившего именно такое понимание этого места [Зализняк 1981: 99; Петрухин 2012: 482, прим. 6]. Второй вариант сориентирован на переводы Л. К. Гётца [Goetz 1916: 232] и Э. Кленин [Klenin 1983: 63] и не предполагает пропуска каких-либо элементов: «Что происходит во времени, со временем проходит, (поэтому) пусть будет объявлено добрым людям <...>» [Петрухин 2012: 482]. Такое понимание соотносится с императивной конструкцией промугации рижской редакции. Но все-таки обратим внимание на то, что в готландской редакции, в отличие от рижской, форма повелительного наклонения ни у одного из предикатов во втором сложном предложении морфологически не выражена: отсутствует частица *да*, которая бы позволила с уверенностью прочесть это место как *пусть будет*. П. В. Петрухин приходит к выводу:

В любом случае, перед нами явно не самый удачный перевод, что, впрочем, вполне объяснимо, учитывая, что это, по-видимому, первый перевод подобного рода в истории восточнославянской письменности [Там же].

Однако заметим, что это не первый, а как минимум третий перевод: первый перевод подобного рода текста был предложен в 1229 г. и отражается, как мы полагаем, в рижской редакции договора; второй представлен в осведомительной грамоте Герденя (1264 г.) [ПолГр II: 8, 10]; третий — в готландской редакции Смоленской грамоты (1284 г.).

Думается, что проблему можно решить, если отказаться от деления вступительной части на аренгу и промугацию и иначе разделить весь пассаж на предложения: (1) *Үто са дѣѣтъ по вѣрьмьнемъ · то ѿидето по вѣрьмьнемъ*, (2) *приказано боудѣте добрымъ людѣмъ · а любо грамотою оутвѣрдати · како то боудѣте всемъ вѣдомъ · или кто послѣ жившии встанѣтъ са*. Промугация в грамоте может быть опущена (см. Таблицу 1). Формула со значением ‘да будет известно нынешнему и будущему поколениям’ не обязательно является составной частью промугации: она также может употребляться в инскрипции (см. Таблицу 1) или в самой аренге, как в примере (8b), в котором она приводится сначала в аренге, а затем в промугации. Сравним латинскую и средневерхненемецкую аренги в грамоте № 26 из [CaOU], датированной 1252 г., И. Райфенштайн заключает:

Der Grundgedanke ist in beiden Arengen der gleiche. Damit aber sind die Übereinstimmungen auch schon erschöpft. Während der lateinische Text Teil einer größeren Satzkonstruktion ist, die die Promulgatio einschließt (*sciat praesens [a]etas et discat futura posteritas*) und zur Narratio weiterführt (*quod nos ...*), steht die deutsche Arenga syntaktisch abgeschlossen für sich. Der eigentliche

Kontext beginnt mit der die Narratio einleitenden Promulgatio (*Darumbe syn* [sollen] *wizsen alle ...*). Zwar entsprechen einander einige Motive {...}, sie stehen aber in zum Teil verschiedenem syntaktischem und semantischem Zusammenhang [Reiffenstein 1969: 182].

‘Основная идея в обеих аренгах одинаковая. Однако на этом совпадения уже и заканчиваются. В то время как латинский текст является частью более крупного предложения, включающего в том числе промульгацию (*пусть знает этот век и узнает будущее потомство*) и ведущего далее к нарративной части (*что мы ...*), немецкая аренга синтаксически самостоятельна и закончена как предложение. Собственно контекст начинается с промульгации, которая вводит нарративную часть (*Потому да будет всем известно ...*). Хотя некоторые мотивы соответствуют друг другу {...}, они [в параллельном латинском и немецком текстах. — И. П.] частично находятся в разных синтаксических и семантических контекстах’.

Все эти примеры при учете немецкой традиции составления грамот на народном языке в XIII в. говорят о том, что не следует ожидать от восточнославянской аренги абсолютно точных соответствий латинским или немецким оригиналам, даже если таковые, по крайней мере, для отдельных выражений, действительно можно обнаружить. Переводчик мог свободно адаптировать текст, передавая его смысл так, чтобы он был понятен, в том числе будучи прочитанным вслух, например, смоленскому князю, который должен был его подтвердить. Как уже отмечалось выше, промульгация представляет собой синтаксическую конструкцию с союзом *что* по модели ‘настоящим мы сообщаем, что’. С явной промульгацией, содержащей одновременно топику интитуляции и характерное для аренги, но очень краткое обоснование того, почему текст был записан, начинается Новгородская скра (1268):

[D]hat si wetelic unde openbare allen dhen genen, dhe nu sin unde hir na comen solen, dhe dhese schra sen unde horen, dhat van ganceme rade unde van eneme gemenen wilcore dhere wisesten van allen steden van dhutsche lande recht, dhat van aneginne gehalden is unde gewesen hevet in dheme hove dhere Dhutschen to Nogarden, alduz beschreven is, to haldende allen dhen genen, dhe dhen beschenen hof pleget to sokende bi watere unde bi lande [Schra: 50].

‘Да будет известно и откроется всем тем, которые ныне суть и после должны прийти [в этот мир], которые видят и слышат эту скру, что всем советом и одним общим волеизъявлением мудрейших от всех городов немецкой земли это право, которого искони придерживались и которое искони существовало в немецком подворье Новгорода, записано с той целью, чтобы оно соблюдалось всеми теми, кто имеет обыкновение заходить на названное подворье по воде и по земле’.

Промульгация вводит синтаксически информацию, которая должна следовать далее. Такого рода конструкции в списках готландской редакции нет, см. примеры (2a)–(2b). Предложение, начинающееся с *приказано воудѣте*, логически продолжает предыдущее предложение, отсылая на морфосинтаксическом уровне (значение ср. р. ед. ч. у *приказано*) анафорически к его

подлежащему, которое было выражено коррелятивной группой *что – то*. Таким образом, всю вступительную часть готландской редакции — от *Уто са дѣѣтъ* и включительно по *живъи встанѣтъ са* — следует считать аренгой.

Для первого предложения аренги готландской редакции обнаруживаются очень близкие соответствия в латинских аренгах, на что указывали уже А.-Х. Лерберг и Э. К. Тобин: *ea, quae fiunt/aguntur in tempore, labuntur cum tempore* (см. 5 и там же полную цитату из грамоты рижских городских властей любекским купцам 1231 г., а также Таблицу 1). В древнерусском переводе коррелятивное местоимение *ea* в функции подлежащего в соответствии с восточнославянским синтаксисом перенесено в матричное предложение. Вероятность ориентации именно на латинскую модель в данном случае высока. Тем не менее есть также близко совпадающие немецкоязычные аренги. Число немецкоязычных аренг XIII в. ограничено: их всего лишь 104 во всем корпусе оригинальных грамот [Schulze 2011: 42]. При этом по подсчетам И. Райфенштайна 88 из них представляют собой так называемые *Schriftlichkeitsarengen*, т. е. аренги, в которых тематизируется необходимость и польза письменного засвидетельствования правовых актов [Reiffenstein 1969: 180–181, прим. 17; 1986: 661]. Исходя из перечня И. Райфенштайна, мы обнаружили в корпусе оригинальных древненемецких грамот две очень близкие к первому предложению аренги готландской редакции формулировки:

- (9a) *Sit alles das man in dem Zite tṽt / vlṽffet hin mit dem zite / so ift billich ṽn recht / das man mit schrift bestete / swaz man eimer st̃ete welle sin / ṽn ane wandel* <...> [CaOU: 824]. ‘Поскольку *все, что делается во времени, исчезает со временем*, то имеют обыкновение, и это правильно, подтверждать на письме [то], что хотят утвердить навсегда и оставить без изменений <...>’;
- (9b) *Wan fuuaz in der zit geschih̃t / daz ift ouch zerganchlich mit der zit / man enphelhe ez danne menschlicher geh̃ve mit der gefchrift* <...> [Ibid.: 2534]. ‘Когда *что-либо происходит во времени, оно также исчезает со временем*. Потому его вверяют человеческой памяти с помощью записанного <...>’.

Обращает на себя внимание то, что в древнерусской версии с предложенными группами *in tempore* и *cum tempore* соотносится предложная группа *по вѣрьмьнемь / по вѣрьмьнемь*. Множественное число существительного *время* свидетельствует о том, что при работе над готландской редакцией *время* в данном контексте снова понималось как определенный отрезок времени. В немецкоязычных грамотах обнаруживаются аренги с подобным пониманием топоса времени:

- (10a) <...> *ift zimelich ṽn ift och göttelich / fwc gỹter dinge b̃i vñferen z̃iten geschih̃t der man gedenchen sol / dc man div der schrift beṽæle ṽn fi mit der schrift vr̃kivnde vñferen nachkomen behalte* <...> [CaOU: 838].

‘⟨...⟩, пристойно и также богоугодно, чтобы хорошие дела, которые в наши времена происходят и которые следует помнить, вверяли письму и свидетельством письма сохраняли для наших потомков ⟨...⟩’;

- (10b) *Dc gefchehen ist in gegenwertigem gezit / von krankheit menscheliches finnel / vergessen nit werde in kûnphtigem gezit / so kûnden wir mit difem brieve / gegenwertigen / vn kûnphtigen / dc ⟨...⟩* [Ibid.: 1183]. ‘Чтобы происходящее в настоящее время от болезни человеческого рассудка не забылось в будущем времени, поэтому мы сообщаем этим письмом настоящим и будущим, что ⟨...⟩’.

Второе сложное предложение аренги мы читаем как бессоюзное условное предложение: *приказано воудѣте добрымъ людѣмъ · а любо грамотою оутвѣрдати · како то воудѣте всемъ вѣдомъ · или кто послѣ живъи встанѣтъ са*, т. е. ‘Если [это] поручат⁹ свидетелям или утвердят грамотой, [то] тогда [*scil.*: то вот каковым образом] оно станет всем известно, а также [тем], кто останется жить после нас’. При таком понимании лексема *како то* имеет либо результативно-следственное значение в условно-следственной конструкции, либо значение образа действия при предикате матричного предложения.

На потенциальную возможность употребления *како то* в значении следствия указывал А. А. Зализняк, подчеркивавший особенно широкий спектр функций этой лексемы в древнерусском языке [Зализняк 1981: 99]. К сожалению, А. А. Зализняк не привел примеров для значения следствия, и в словарях такие примеры не зафиксированы. Сам он перевел конструкцию с *како то* как целевую: ‘так чтобы было всем известно’ (см. выше). Но такая интерпретация не очевидна, тем более что она подразумевает изменение грамматической формы предиката, что еще дальше отдаляет ее от исходного текста.

Бессоюзные условные предложения были распространены в древне- и старорусском языке [Лавров 1941: 7–14; Борковский 1958: 67–84] и встречаются также в тексте Смоленской грамоты. При этом, как будет показано ниже (см. 6), в готландской редакции они употребляются в три раза чаще, чем в рижской. Они также характерны для современного русского языка: *Пересадят почку — откажет печень. Смотри, будешь болтать, погубишь не только себя, но и всех нас. Расскажешь кому — убью* (примеры из [Fortuin 2011: 90–91]). При этом их типичной особенностью является начальная позиция предиката [Ibid.: 97]. Думается, что, скорее всего, именно по такому синтаксическому образцу и построено второе сложное предложение аренги: ‘Поручено будет свидетелям или грамотой утвердят — та-

⁹ Ср. употребление лексемы *приказати* в значении ‘вверить, предоставить заботам’ или ‘вменить в обязанность’ в других древнерусских памятниках [СДРЯ VIII: 445–446].

ким образом [*scil.*: каковым образом] оно станет всем известно, а также [тем], кто останется жить после нас'. В этом случае *како то* выступает как наречие образа действия при предикате *воудѣтѣ вѣдомъ*. Употребление лексемы *како (то)* в значении образа действия подтверждается рядом примеров из древнерусских текстов и в том числе из смоленских грамот [СДРЯ IV: 190; ср. Успенский 1950: 69; Зализняк 1981: 99–100]. Показательно, что в коррелятивной конструкции наречие *како* может иметь значение 'так', 'таким образом', ср. в „Книге паломник“ Антония Новгородского (нач. XIII в.): *а весь написавъ рекъ писецъ зра на нь · ꙗкѣ какъ еси живѣ былъ какоже та есми написалъ* [КнПал: 159v7–10], т. е. 'А написав полный образ [Христа], иконописец сказал ему, глядя на него: Господи, каким ты был в жизни, таким [*scil.*: так] я тебя и изобразил' (см. также древнецерковнославянский пример в [СССЯ II: 6]).

Кроме того, можно предположить, что использование бессоюзной условной конструкции в данном случае поддерживалось влиянием немецкого языка, в котором также распространены бессоюзные условные предложения. В немецких грамотах XIII в. часто встречаются условные предложения, зависимая часть которых начинается с личного глагола, а матричное предложение вводится полифункциональным союзом *so*, имеющим в этой конструкции результативно-следственное значение [Schulze 1975: 123–134; 2011: 146–154]. Одновременно лексема *so* может функционировать как наречие образа действия. Этой полифункциональности нем. *so* аналогична полифункциональность др.-рус. *како то*. Соответственно в начинающемся с *приказано воудѣтѣ* предложении следует видеть качественную восточнославянскую версию немецкого условного предложения. (Но заметим, что речь тем не менее не идет о синтаксической кальке, потому что древнерусское предложение формально начинается не с личной формы глагола.)

Немецкое влияние в рассматриваемом предложении сказывается уже в использовании термина *добрые люди* в значении 'свидетели'. Л. К. Гётц возводил этот термин к латинским выражениям *boni viri, probati homines* и подобным, встречающимся в латинских правовых актах [Goetz 1916: 232]. Очень близкое соответствие лат. *boni viri* обнаруживается в статье 34b списков рижской редакции:

- (11a) *котора си тажа воудеть соужона смоленскѣ · или оу княжа или оу тивоу-на · или оу радили воудуть добрини мюжи · боле же не поминати того ни въ ризѣ ни на готъскомъ березе* (D: lin. 127–130).

В соответствующей ей статье 24b готландской редакции читается:

- (11b) *Которе вроудие доконечано воудѣтъ · оу смольнескѣ · мьжо роусино · и мьжо латинескимъ языкомъ · пьредъ соудинами · и пьредъ добрыми людьми · Болъ того не починати · оу ризѣ · и на готкомъ березе* (A: lin. 68–70).

В обеих статьях представлены ситуации, в которые вовлечены свидетели в их разных функциях (см. [Ibid.: 278–279] со ссылкой на комментарии

М. Ф. Владимирского-Буданова). В рижской редакции термин со значением ‘свидетель’ фактически калькирует лат. *boni viri*. В готландской он прототипически восходит к тому же латинскому выражению, но с большой долей вероятности не напрямую, а через посредство ср.-ниж.-нем. *gude lude*. Эта немецкая интерференция на достаточном количестве примеров исследована И. С. Кошкиным, обнаружившим термины *добрые люди* и *gude lude* в дипломатических грамотах XIII–XVI вв., составленных в Новгороде, Пскове и Полоцке на восточнославянских региональных разновидностях письменного языка и на средненижненемецком [Кошкин 2008: 105–114].

Однако немецкое влияние также ощутимо на уровне синтаксиса условных предложений.

6. Условная конструкция является основным структурным элементом договора как типа текста. Большинство предложений содержательной части, т. е. диспозиции, Смоленской грамоты построено по модели ‘казус — санкция’. Подробный сравнительный анализ условных предложений рижской и готландской редакций текста был предложен В. И. Борковским [1944; 1958: 67–70, 166–184]. Изучив работы А. А. Куника и П. В. Голубовского, В. И. Борковский пришел к выводу, что вступительную и заключительную части договора следует считать переводом, который представители смоленской делегации под руководством Тумаши Смольнянина сделали с немецкого языка, сохранив в древнерусской версии латинизмы немецкого оригинала [Борковский 1944: 41]. Однако «основной текст Правды (...) был составлен в Смоленске и написан на русском языке» [Там же]. Кроме того, как упоминалось выше, В. И. Борковский был убежден в том, что существенные различия в синтаксических конструкциях обеих редакций следует объяснять различными стилистическими предпочтениями книжников, трудившихся над текстом договора (см. 2).

Исследуя исторический синтаксис сложного предложения, В. И. Борковский рассматривает Смоленскую грамоту в широком контексте древневосточнославянских грамот XI–XVI вв. и представляет особенности ее синтаксиса как типичные для древнерусского языка. При этом он в принципе не задается вопросом о том, что некоторые из конструкций могли быть привнесенными или по крайней мере получили широкое распространение благодаря параллельному влиянию других письменных языков.

В дальнейшем мы предлагаем систематический обзор структуры условных придаточных предложений основной части договора по всем шести спискам Смоленской грамоты. Это позволит нам выявить сходства и различия в конструировании условных придаточных в обеих редакциях договора и наглядно показать конкуренцию синтаксических конструкций как внутри редакций, так и между ними. Кроме того, исходя из этих данных, мы сможем сделать первые наблюдения об иноязычном подтексте некоторых конструкций.

Таблица 2

Структура обуславливающих предложений

Средство связи	D: 21–143	E: 19–127	F: 47–300	A: 14–90	B: 29–158	C: 11–65
аже (Vf (N))	9b, 21c	3b, 9b, 11a, 21c	3b, 9b, 21c	1a, 1b, 3d ² , 4a, 4b, 4b ² , 6a, 8a, 8b, 11a, 12d, 14b, 15 ² , 20a (22a), 22b (32b), 28b (25b), 29b (26b), 30b (27b), 33b (16b), 35b (37b)	1a, 1b, 3d ² , 4a, 4b, 4b ² , 6a, 8a, 11a, 12d, 14b, 15 ² , 20a (22a), 22b (32b), 28b (25b), 29b (26b), 30b (27b), 33b (16b), 35b (37b)	1a, 3d ² , 4a, 4b, 4b ² , 6a, 8a, 8b, 11a, 12d, 14b, 15 ² , 20a (22a), 22b (32b), 28b (25b), 29b (26b), 30b (27b), 33b (16b), 35b (37b)
аже = разве что / если только				9a, 9b	9a	9a, 9b
аже будет + -л-Part.				12c	12c	1b, 12c
аже будет	23	23	37b	14a	14a	14a
аже (N ₁ Vf)	25a	25a, 33	33	5a, 7a, 10b, 10c, 12a, 14c, 15, 17a (19a), 18a (20a), 19a (21a), 19c (21c), 22a (32a), 29a (26a), 30a (27a), 31 (28), 32 (29), 33a (16a)	5a, 7a, 10b, 12a, 14c, 15, 17a (19a), 18a (20a), 19a (21a), 19c (21c), 22a (32a), 29a (26a), 30a (27a), 31 (28), 32 (29), 33a (16a)	5a, 7a, 10b, 10c, 12a, 14c, 15, 17a (19a), 18a (20a), 19a (21a), 19c (21c), 22a (32a), 29a (26a), 30a (27a), 31 (28), 32 (29), 33a (16a)
аже (N ₃ N ₁ Vf)	37b	37b				
аже (N ₃ Vf N ₁)			3c			
аже (N ₄ Vf)				3d	3d	3d
аже (PP Vf)				13	13	13
аже (кто Vf)	1c	1c	1c			
аже	6	9	7	43	40	43

Средство связи	D: 21–143	E: 19–127	F: 47–300	A: 14–90	B: 29–158	C: 11–65
аще (Vf N/PP)	3b, 27a	27a	27a			
аще (PrdN Vf)	16b					
аще (N ₁ Vf)	4a, 6a, 13, 29a, 32a, 33	4a, 6a, 13, 16b, 29a, 32a	4a, 6a, 16b, 29a, 32a			
аще (N _{3/4} Vf)	2a, 3c	2a, 3c	2a, 37a			
аще (который N _{1/4} Vf)	12a, 12d, 20a, 21a	12a, 12d, 20a, 21a	12a, 20a, 21a			
аще (кто Vf)	3a, 3d	3a, 3d	3d			
аще ли (кто Vf)	14c	14c				
аще (N ₄ Vf)	37a	37a				
аще/аще	18 + 1	16 + 1	12			
ожо, вже, оже, ожо (Vf + N)	1a, 4a ² , 4b ² , 32a ²	1a, 4a ² , 4b ² , 32a ²	1a, 4a ² , 4b ² , 32a ²			
оже будет			23			
оже (Vinf + N)			25a			
оже (N ₁ Vf)	5a, 22a, 28	5a, 22a, 28	5a, 22a, 28			
оже	7	7	9			

Средство связи	D: 21–143	E: 19–127	F: 47–300	A: 14–90	B: 29–158	C: 11–65
или (V)	25b, 27b	25b, 26b, 27b,	25b, 26b, 27b			
или (N ₁ Vf)	4b, 7a, 10b, 14a, 34b ²	4b, 7a, 10b, 14a, 34b ²	4b, 7a, 10b, 34b ²			
или (который N ₁ Vf)		26a	20b, 21b, 26a			
или	7	9	10			
како/как (VfN)	15, 17, 19b	15, 17, 19b	15, 17, 19a, 19b		26 (17)	
како (N ₁ Vf)	19a	19a				
како тако / то будет, како (VfN)				26 (17)		26 (17)
како	4	4	4		1	
коли V	35	35	35			
али (который N ₁ Vf)	20b	20b				
иже (Vf + N)	11a					
редкие союзы	1 + 1 + 1	1 + 1	1			
Vf + ли	4a ³ , 21d	4a ³ , 21d	4a ³ , 21d			
будет ли + -й-Part.	12c	12c				
частица ли	2 + 1	2 + 1	2			

Средство связи	D: 21–143	E: 19–127	F: 47–300	A: 14–90	B: 29–158	C: 11–65
N ₁				2		2
N ₁ Vf	14b	14b			10c, 11b	
N ₃ Vf				3c	3c	3c
PP Vf				3b	3b	3b
PP Vf N ₁				35a (37a)		35a (37a)
PP N ₁ Vf					35a (37a)	
Vf N ₁			11a	6a ² , 6a ³ , 12d ² , 28a (25a)	6a ² , 6a ³ , 12d ² , 28a (25a)	6a ² , 6a ³ , 12d ² , 28a (25a)
Vinf + N ₃				11b		
будет + -?-Part.				12a ²	12a ²	12a ²
который N ₁ Vf	18a, 21b, 34b	18a, 21b, 34b	18a	16a (18a), 23 (33), 24b (34b)	16a (18a), 23 (33), 24b (34b)	16a (18a), 23 (33), 24b (34b)
PP (= P NP [= который N ₁] Vf	припи- ска	припи- ска				
кто ₁ Vf			3a	3a	3a	3a
что ₄ /што ₄ Vf				24b ² (34b)	24b ² (34b)	24b ² (34b)
без союза	5	5	3	15	15	14

В таблице приняты следующие сокращения: N (имя, именная часть речи), NP (именная группа), Part. (причастие), PrdN (имя предиката, именная часть сказуемого), PP (предложная группа), Pt (предложение), V (глагол), Vf (личный глагол), Vinf (инфинитив). Цифровые индексы после N указывают на падеж, т. е. 1 = ИП, 3 = ДП, 4 = ВП. Предложенные схемы не отражают предикативную структуру предложений. Они фиксируют пре- или постпозицию сказуемого по отношению к подлежащему. При этом не принимается во внимание, отделено ли сказуемое от подлежащего другими членами предложения или нет, поскольку на данном этапе работы этот аспект не имеет значения. Для каждого списка указываются статьи и параграфы; при статьях голландской редакции в скобках называются соответствующие статьи рижской редакции.

Предложенная статистика показывает высокую степень вариативности в использовании средств, вводящих условную конструкцию в рижской редакции договора. Прежде всего эту функцию выполняют восемь подчинительных союзов. Самый частотный из них — церковнославянский союз *аще*, в списках D и E один раз представленный русифицированной формой *аче*. Даже если рассматривать *аче* как самостоятельный союз, вывод о широком употреблении *аще* в рижской редакции договора останется неизменным. За *аще* следует по частотности союз *или*, который, однако, в большинстве случаев используется не в начале статьи, а во втором параграфе, в значении ‘если же’. В началах статей чаще, чем *или*, употребляются союзы *оже* и *аже*. Последний один раз встречается в комбинации с формой *будет*, функционирующей не как личная форма лексического или вспомогательного глагола, но образующей вместе с *аже* условную конструкцию. Четыре раза условное придаточное вводится условно-временным союзом *како*. По одному разу используются союзы *коли*, *али* и *иже*, при этом *али* зафиксирован в списках D и E, а *иже* только в списке D. Условное значение придаточного может, кроме того, обозначаться частицей *ли*, поставленной после личной формы глагола. Наконец, четыре раза в списках D и E и три раза в списке F условное значение имеют бессоюзные конструкции.

В готландской редакции наблюдается совершенно иная картина. Наиболее часто употребляется союз *аже*, на что уже обращал внимание В. И. Борковский [1958: 167]. Более того, это единственный союз, которым вводятся условные предложения в готландской редакции. Других условных союзов эта редакция не знает.

Союз *како* зафиксирован только в списке В как вариант чтения сложной конструкции *како тако воудѣте · како*, вводящей условное предложение в списках А (lin. 73) и С (lin. 52, здесь: *како то вудѣте · како*) и имеющей значение ‘если случится, что’, ‘в случае, когда/если’. Показательно то, что подобного рода выражения были широко распространены в немецкоязычных грамотах. Они засвидетельствованы в многочисленных вариантах, как с глаголами *sîn* и *wesen*, так и с *geschehen*, *beschehen*, *komen* и др.: *Vñ bescēhe ðch daf, daf...* или *Queme id oug alfo, dat...* [Schulze 1975: 124–128, цит. по 127]. В средненижнемецкой версии новгородского торгового договора 1268/69 г. условные предложения статьи 15 вводятся выражениями *So wat so* и *So wat sake*, а в статье 17 — *Is dhat sake, dhat...* (см. текст в [Goetz 1916: 134, 142; Squires 2009: 207]). С помощью подобных выражений могут вводиться условные предложения в Новгородской скре, в списках которой *Comet oc* варьируется с *Is it ouc sake, dat* [Schra: 58, § 5]), и засвидетельствованы такие конструкции, как *Is it ouc also, das* [Ibid.: 76, § 19], *Is dat also dat* и *Weret ouc also, dat* [Ibid.: 78, § 20], *Wante koemet it also, dat* [Ibid.: 106, § 57]. Все они передают одно и то же значение — ‘если случится, что’ — и являются альтернативным средством для ввода условных предложений. В конструкции *како тако воудѣте · како* с большой долей вероятности следует видеть синтаксический германизм. Писец списка В,

скорее всего, счел ее языковое оформление излишним и сократил ее до более знакомого ему союза *како*. Однако это единственный случай использования этого союза только в одном из трех списков готландской редакции договора. Поэтому мы не считаем его показательным.

Еще один синтаксический германизм, по нашему мнению, представлен в статье 9, немецкое влияние на которую проявляется также на лексико-семантическом уровне, а именно в использовании выражения *вести ко железу горячему* [Kiparsky 1939: 85] (см. подробно [Подтергега 2021: 703–704]): Роусиноу не вѣсти латинина · ко железу горячему · аже самъ възхочетъ (A: lin. 34), т. е. ‘Русин не должен отправлять латинянина на испытание горячим железом, но разве что тот сам захочет [*var.*: если только тот сам не захочет]’. Союз *аже* в данном случае вводит эксцептивную, т. е. содержащую исключающее условие, конструкцию со значением ‘если только (не)’, ‘разве что’. В латинском тексте на этом месте ожидался бы союз *nisi*. С точки зрения восточнославянского языка обращает на себя внимание отсутствие отрицания в придаточном предложении. Это объясняется, как мы думаем, тем, что предложение построено по немецкой модели эксцептивных условных конструкций: поскольку матричное предложение уже содержит отрицание, в условном придаточном оно опущено [Ullsperger 1880: XV]. В немецких грамотах XIII в. такие предложения могли вводиться полифункциональным союзом *wande/wanne/wan daz*, употребляющимся в том числе в условных предложениях [Schulze 1975: 139; 2011: 153–154].

Особенно показательно то, что в готландской редакции в три раза чаще используются бессоюзные условные конструкции. Это конструкции разного типа. По одному разу в списках А и С встречается назывное предложение (статья 2) в функции условного придаточного; в списке В оно выпущено без нарушения смысла статьи. Также по одному разу во всех трех списках зафиксировано неопределенно-личное предложение (статья 3с). В семи случаях в списке А, в восьми — в списке В и в шести — в списке С условное значение передается двусоставными предложениями с прямым (N V) и обратным (V N) порядком слов. При этом обратный порядок слов встречается чаще, хотя в то же время следует учитывать то, что во многих случаях с обратным порядком слов с глагола начинается второе условное предложение. Данное обстоятельство не позволяет сделать убедительных выводов о тенденции начинать условные предложения с глагола. В придаточных условия, введенных с помощью союза *аже*, порядок N V и порядок V N встречаются одинаково часто в обеих редакциях. Однако в придаточных условия с церковнославянским союзом *аще* для явно большего количества примеров характерна постановка подлежащего перед сказуемым. Не делая в связи с этим никаких выводов, мы тем не менее подчеркнем, что показателен сам факт, что в готландской редакции одно- и двусоставные предложения без союза во многих случаях могут иметь условное значение в сложноподчиненной конструкции, тогда как в рижской редакции зафиксировано только по одному такому случаю в каждом списке. Бессоюзные

условные предложения были широко распространены в языке немецких правовых актов и в том числе в немецкоязычных грамотах [Schulze 2011: 28]. Как уже упоминалось, в древневосточнославянском языке они были также возможны. Однако мы не можем исключить того, что их более частое употребление в списках готландской редакции поддерживалось именно влиянием немецкого оригинала или немецкой традиции составления грамот вообще.

Отдельного комментария заслуживают формы второго будущего (предбудущего). В древнерусской письменности они использовались как в оригинальных, так и в переводных текстах [Пенькова 2014; 2019]. В Смоленской грамоте они представлены только в статье 12 обеих редакций. Статья 1b списка С готландской редакции, формально также содержащая второе будущее, непоказательна, поскольку соответствующее чтение возникло в результате переинтерпретации текста: *Аже будетъ хотѣлъ погубити, ·ѡ· гривна сѣбра [sic!] платити* (С: lin. 12), ср. исходное: *Аже боудѣте халзѣти оубитъ ·ѡ· гривна сѣрѣбра заплатити* (А: lin. 14–15). Во всех случаях формы предбудущего в статье 12 используются в условном протасисе и сохраняют ретроспективность (о важности этого критерия см. [Пенькова 2018]), дополнительно выраженную наречиями времени:

- (12a) [a] аще которъи немчѣи оучинитъ насилье надъ волною женою ·смоленскѣ а дотолѣ не слышати бѣло владне еѣ ·ѣ· грѣвъ сѣрѣбра за соромъ · [b] та жо правда боуди роусиноу въ ризѣ на готѣскомъ верезѣ · [c] *боудет ли дотолѣ бѣла* · грѣна сѣрѣбра за соромъ · [d] аще которъи немчѣи оучинитъ насилье надъ робою грѣна сѣрѣбра за соромъ (D: lin. 62–67);
- (12b) [a] Аже латинескѣи члвкъ · оучинитъ насилеи свободнь жене · а *боудѣтъ* прѣже на неѣ не бѣмъ сорама ÷ за то платити гривнъ ·ѣ· сѣрѣбра ÷ [b] Таѣа правда оузати роусиноу · оу ризѣ · и на готѣскомъ верезѣ ÷ [c] Аже *боудѣте* прѣвѣне на нѣѣ сѣрѣмъ бѣмъ · взати неѣ гривна сѣрѣбра за насилеи ÷ [d] Аже насилеи рѣтъ · а боудутъ на него послѣси · дати немѣу гривна сѣрѣбра (...) (А: lin. 40–42).

В параграфе [c] рижской редакции условное значение эксплицитно передано частицей *ли*. Личная форма вспомогательного глагола, образующего предбудущее время, используется в абсолютном начале предложения, в котором оговаривается обратная ситуация по сравнению с ситуацией при условии в предложении [a]. В готландской редакции в той же статье предбудущее используется дважды: как дополнительное условие в параграфе [a] в условном предложении, в котором основное условие введено союзом *аже*, и как обратное условие в предложении [c], введенном условным союзом *аже*. Таким образом на уровне языка достигается параллелизм синтаксических конструкций, передающих условия, от которых зависят санкции. Кроме того, в предложении [a] с помощью предбудущего маркируется значение условия в условии — ‘если... и при этом если окажется, что’, тогда как в том же предложении списка D подана ситуация, разъясняющая усло-

вие. Несмотря на то что во всех трех случаях сохраняется значение ретроспективности, сложное будущее одновременно функционирует как средство, поддерживающее образование условных конструкций, что особенно очевидно в готландской редакции договора.

Самостоятельную разновидность двусоставных условных придаточных представляют конструкции, именная часть которых состоит из неопределенного местоимения *который* и существительного. При образовании условных предложений такого типа может дополнительно использоваться условный союз, как в статье 12 рижской редакции, в параграфах [a] и [d], см. пример (12a). Но, кроме того, они могут конструироваться без союза. Как показывает Таблица 2, в диспозиции рижской редакции договора представлено четыре случая бессоюзной связи с предложениями, содержащими группу <который + N>, а в готландской редакции — три. В двух случаях это совпадающие по содержанию предложения: во-первых, статья 18a всех трех списков рижской редакции и соответствующая ей статья 16a всех трех списков готландской редакции, во-вторых, статья 34b в списках D и E (в списке F данное место выпущено) и соответствующая ей статья 24b в списках A, B и C. Статья 21 рижской редакции с группой <который + N> в параграфе [b] переформулирована и иначе структурирована в готландской редакции, поэтому здесь невозможны прямые сравнения. Эта же конструкция зафиксирована в приписке к спискам D и E. Показательно, что она используется в рамках предложной группы, также задающей условное значение: *а на котормъ подворыи стоать немци · или гость немьцьскый · не поставити на томъ дворѣ князю · ни татарина · ни иного которого пвска* (D: lin. 162–165). Но и в данном случае сравнение невозможно, поскольку нет соответствующего места в списках A, B и C. Любопытно сравнить статью 23 готландской редакции (A) с параллельной ей статьей 33 рижской редакции (D):

(13a) *аще роусинъ или немѣчь иметь тате въ своего товара в томъ его вола*
(D: lin. 124–125);

(13b) *Которзи роусинъ · или латинескзи · иметь тата · надъ тѣмъ немю своя въла* (A: lin. 66).

В списке D условие вводится с помощью союза *аще*, в списке A условное значение передается конструкцией с группой <который + N>. Это типичный случай, когда предложение с союзной связью рижской редакции заменяется в готландской редакции синонимичным ему бессоюзным предложением. Еще один такой случай с группой <который + N> представлен в заключительной части договора, а именно в санкции, в которой высказывается угроза за несоблюдение описанных в договоре соглашений¹⁰. Заметим, что санкция также является составной частью западного формуляра грамот [Чиркова 2019: 30–31].

¹⁰ Примеры с условной конструкцией, вводимой группой <который + N>, встречаются и в других древнерусских памятниках (см. [СДРЯ IV: 275–277]). Однако в СДРЯ эта конструкция не рассматривается как условная.

- (14a) аще кѣторзи роусинъ или немѣчь противити въсхочеть сеи правде · да тѣ
противенъ боу и сѣи правдѣ (D: lin. 156–158);
- (14b) кторзи роусинъ · или латинескзи · противоу сеи правды мзавитъ · того
почѣсти за лихьи моужь (A: lin. 100–101).

В отличие от всех предыдущих примеров, в данном случае перед нами относительное предложение, представляющее собой обращение и одновременно задающее условие. Условно-относительные предложения, особенно как в примере (14b), были распространены в латинском языке, но также и в средневековых немецкоязычных грамотах и в том числе в текстах на средненижненемецком языке [Figge 1978; Lötscher 1992; Dreessen, Ihden 2016: 23–25]. В дальнейших исследованиях Смоленской грамоты с точки зрения языковых контактов данному аспекту следует посвятить специальное внимание. Это же касается обобщающих относительных предложений, начинающихся с *кто* и функционирующих как условные. Они также встречаются в готландской редакции Смоленской грамоты (см. Таблицу 2; статья 3а в списке F рижской редакции малопоказательна, поскольку это поздний список) и были характерны для немецкоязычных грамот [Schulze 2011: 28, 102–103].

Значительный интерес вызывает тот факт, что в рижской редакции условные предложения с группой <который + N> употребляются чаще, чем в готландской, при этом в большинстве случаев в комбинации с условными союзами и особенно с союзом *аще*. В готландской редакции эта группа ни разу не используется в сочетании с союзом. Кроме того, в рижской редакции встречаются условные предложения, вводимые союзом и начинающиеся с местоимения *кто* (см. Таблицу 2). В готландской редакции нет ни одного такого предложения. Для подобного рода конструкций можно найти немало соответствий как в латинских, так и в немецкоязычных грамотах XIII в. Однако эти конструкции хорошо известны и по древнецерковнославянским текстам: они были особенно распространены в памятниках церковного права [СССЯ II: 56–57]. В большом количестве они встречаются, например, в Ефремовской кормчей (XII в.): *Аште кторзи епѣъ <...> сѣи днь пасхы · преже весньнаго равньнодньства съ юдеи сътворитъ · да извьржетъся* [КЕ: 63], *Аште кто съ неприовыштаюштиимъся любо и въ домъ помолитъся · тѣ да отълоучитъся* [Там же: 64] и мн. др. Показательно, что в древнерусской грамоте Варлаама Хутынского, датируемой 1192–1210 гг. [Зализняк, Янин 1992/93: 197], в качестве одного из церковнославянских элементов в тексте, составленном на письменных идиомах древневосточнославянского языка, в санкции используется именно условная конструкция *аще кто*: *аще кто диаволъ[ъ]мъ п[о]-[ъ]чѣнъ и злыми члвкъи зваж[енъ] <...> а боуди емоу против[ь] сѣи спсѣ · и въ съ вѣкъ и въ боудуции* [Там же: 186]¹¹.

¹¹ Ряд примеров с *аще кто* в условных предложениях зафиксирован в [СДРЯ IV: 376–378], однако они не выделены в самостоятельную — условную — конструкцию.

Если внимательно присмотреться к составу делегации, посланной в 1229 г. смоленским князем в Ригу для заключения договора, станет понятным, кто конкретно мог стоять за церковнославянскими формулировками Смоленской грамоты, которые отражаются в рижской редакции: *кназь мьстиславъ дѣдвѣъ послалъ свое мѡуже · геремеѡ попа · пантелеѡ сотьского* (D: 5–6). В готландской редакции Еремей называется *лучшим попом* (A: lin. 4), что следует, вероятно, читать как ‘много раз испытанным’ (*vir probatus*, *wise man*). Как клирик, Еремей был знаком с церковнославянской традицией и в том числе с церковным правом и владел книжным языком.

Церковнославянский элемент в тексте договора не является случайным. Приближаясь таким образом к церковнославянской парадигме, текст становился легитимным, т. е. получал юридическую силу. Вместе с тем он следовал традиции использования церковнославянских формульных конструкций в древнерусском письменном узусе. Сохранившийся в приложении к договору Александра Невского с немцами (1262/63 г.) и свободный от церковнославянского влияния список договора Новгорода с Готским берегом и немецкими городами (1190-е гг.) не противоречит этому тезису. Новгородский договор конца XII в. не был ратифицирован, поэтому он и не оформлен как грамота. Уже Л. К. Гётц подчеркивал, что данный текст представляет собой лишь проект, т. е. черновик договора (*Vertragsentwurf*), подготовленный и позже даже используемый новгородской стороной, но не получивший легитимного статуса международного договора [Goetz 1916: 63–72]. Формуляр договора в тексте не выдержан: нет даты, не называются свидетели, не упоминается клятвенное целование креста и т. д. Отсутствие церковнославянского элемента в данном случае объясняется именно тем, что сохранившийся текст имел чисто практическое значение: новгородцы приготовили его для себя, чтобы на основании этого черновика вести переговоры с немцами. Тем не менее данный текст не является окончательной версией договора. Как не ратифицированный черновик, новгородский договор 1190-х гг. не был легитимным, что и объясняет отсутствие в нем церковнославянской стихии.

Таким образом, становится очевидным, что Смоленская грамота находится на стыке различных письменных традиций: как славянских (восточнославянские письменные идиомы, церковнославянская письменность), так и западноевропейских (латинской и немецкой). При этом следы иноязычного влияния ощутимы не только в начальном и конечном протоколе, но и в основном тексте грамоты. Данный аспект должен непременно стать предметом специальных исследований.

7. Необходимо принимать во внимание тот факт, что текст смоленского договора в обеих его редакциях был плодом коллективной работы членов делегации, которые непосредственно вели переговоры, а также переводчиков, свидетелей и писцов. Вряд ли следует сомневаться в том, что предварительно были изготовлены проекты текста с обеих сторон: как с немец-

кой, так и с восточнославянской. Упомянутый выше проект договора Новгорода с немцами 1190-х гг., как и предоставленный в 1268 г. немецкой стороной латинский проект договора с Новгородом (см. 4), свидетельствуют о том, что черновики договоров изготавливались заранее. Но окончательный текст договора возник в результате переговоров, которые в 1229 г. велись двумя названными в тексте по имени контрагентами (Рольфом из Касселя с немецкой стороны и немцем Тумашем Михалевичем из Смоленска со славянской стороны). Их разговор должен был переводиться для присутствующих при переговорах свидетелей. Переговоры вполне могли вестись на немецком языке, но при этом обсуждался и для немецкой стороны заново создавался текст на латинском языке, для которого участники смоленской делегации должны были составить восточнославянскую версию (см. о роли латыни и народных языков при ведении устных переговоров в Средние века и раннее Новое время [Науе 2005: 1–68]). Мы до сегодняшнего дня не знаем, в чем заключалась роль попа Еремея и сотского Пантелея: были ли они сторонними наблюдателями или вместе с Тумашем-смоленянином непосредственно участвовали в переговорах, или, может быть, они контролировали создание текста, за письменную фиксацию которого отвечали писцы. Церковнославянизмы в тексте договора свидетельствуют о том, что в работу над ним, вероятно, был вовлечен священнослужитель. Рижская редакция, как мы полагаем, достаточно близко воспроизводит оригинал 1229 г. или, по крайней мере, восходит к нему.

Переработанная в 1284 г. готландская редакция договора также возникла в результате коллективного труда, но в другой социолингвистической ситуации — в ситуации, когда немецкая сторона признавала легитимность текстов, написанных на родном языке. Тем не менее невозможно полностью исключить того, что при этом продолжал использоваться латинский текст, например текст 1229 г. или текст, положенный в основу рижской редакции, если это действительно был текст с обновленным содержанием. Кроме того, мы должны принять во внимание факт обмена экземплярами договора, на который указывали П. В. Голубовский и Л. К. Гётц. Это поможет лучше понять ряд содержательных и языковых особенностей текста готландской редакции.

В исторической русистике утвердилось мнение, что языковым эталоном для текстов типа Смоленской грамоты служила Русская правда, задававшая образцы для структуры и языкового оформления книжных правовых текстов. При этом Смоленская грамота рассматривается как частное явление по отношению к Русской правде, игравшей центральную роль [Гиппиус 1996: 55]. Это мнение может быть справедливым для готландской редакции договора (1284 г.), но его сложнее применить к рижской редакции, восходящей, судя по всему, к оригиналу договора 1229 г. Следует учитывать, что самые ранние списки Русской правды возникли несколько десятилетий спустя после заключения смоленского договора. При реконструкции ранних версий Русской правды необходимо все же принимать во вни-

мание роль устной традиции и тот факт, что в XII и в начале XIII в. еще не существовало или было очень слабым осознание необходимости письменной фиксации правовых актов на письменных разновидностях народного языка. Гражданское право оглашалось устно. Напомним в связи с этим позицию В. М. Живова, в свое время замечавшего, что на основании того, что в древней Руси, судя по данным берестяных грамот, была распространена элементарная грамотность, невозможно сделать выводов о том, что в XI–XII вв. «судопроизводство основывалось на писанном праве. Более правдоподобно, что в это время, как и в дописьменный период, юридические тексты выучивались наизусть» [Живов 2002: 224, прим. 37]. Тем не менее В. М. Живов не исключает наличие письменного текста, по которому проводилось обучение.

Аренга Смоленской грамоты, будучи риторической формулой, одновременно отражает важный этап в истории европейских письменных традиций — переход от устного к письменному заключению правовых актов на народных идиомах. Это был общеевропейский процесс, в который оказалась вовлечена древнерусская письменность в рамках экономических, политических и культурных контактов с латинским Западом.

Сегодня все еще распространено мнение о том, что в функциональной парадигме древнерусской письменности не было места для латинского языка. Это мнение ошибочно, и от него следует полностью отказаться. Латинский язык функционировал как язык западной дипломатии и, соответственно, как язык для контактов с западной Европой. Для поддержания контактов с латинским Западом восточнославянские князья располагали подданными, которые обеспечивали для них эти контакты и были в состоянии соотнести западные (латинские, но позже и немецкие) тексты с древнерусским языковым узусом и с церковнославянской письменной традицией. Древнерусский язык как письменный язык находился в контакте с другими письменными языками Европы. Ярким примером, иллюстрирующим этот тезис, является Смоленская грамота 1229 г. Причем история ее редакций отражает один из важнейших процессов европейского языкового развития — вытеснение латыни народными идиомами в сфере гражданского и международного права. На фоне этого процесса сферу гражданского и международного права осваивает древнерусский язык.

Источники и словари

ГрВКЛ — Грамоты великих князей литовских с 1390 по 1569 год / Собр. и изд. под ред. В. Антоновича и К. Козловского. Киев, 1868.

КЕ — (Кормчая Ефремовская) Древне-славянская кормчая XIV титулов без толкований. Труд В. Н. Бенешевича. СПб., 1906.

КнПал — (Книга паломник) A. J o u r a v e l. Die Kniga palomnik des Antonij von Novgorod. Edition, Übersetzung, Kommentar (Imagines Medii Aevi. Interdisziplinäre Beiträge zur Mittelforschung. Bd. 47). Wiesbaden, 2019.

ПолГр — Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. / А. Л. Хорошкевич (отв. ред.), С. В. Полехов (зам. отв. ред.), В. А. Воронин, А. И. Груша, А. А. Жлутко, Е. Р. Сквайрс, А. Г. Тюльпин. Т. II. М., 2015.

СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. I–IV. М., 1988–1991; Т. VIII. М., 2008.

СССЯ — Словарь старославянского языка. Репринт. изд. СПб., 2006. Т. 2.

СмолГр — Смоленские грамоты XIII–XIV веков / Подгот. к печ. Т. А. Сумникова, В. В. Лопатин. М., 1963.

CaOU — F. Wilhelm et al. Corpus der altdeutschen Originalurkunden bis zum Jahr 1300. Lahr, 1932–2004. 5 Bde. Электронный ресурс. URL: <http://tcdh01.uni-trier.de/cgi-bin/iCorpus/CorpusIndex.tcl> (дата обращения: 14.10.2020).

Georges — K. E. Georges. Ausführliches lateinisch-deutsches Handwörterbuch, aus den Quellen zusammengetragen und mit besonderer Bezugnahme auf Synonymik und Antiquitäten unter Berücksichtigung der besten Hilfsmittel ausgearbeitet. Bd. 2. Darmstadt, 1998 (Reprint der Ausgabe: Hannover, 1918).

KDW II — Kodeks dyplomatyczny wielkopolski. T. 2: Zawiera numera 617–1292 lata 1288–1346. Poznań, 1878. Электронный ресурс. URL: <https://www.wbc.poznan.pl/dlibra/publication/12462/edition/20067/content?> (дата обращения: 17.01.2021).

LUB I — см. [Bunge 1853].

Schra — W. Schlüter. Die Nowgoroder Schra in sieben Fassungen vom XIII. bis XVII. Jahrhundert. Lübeck, 1916.

Treaty — J. Schaeken. The 1229 Treaty between Smolensk, Riga and Gotland (version A). Электронный ресурс. URL: <http://www.schaeken.nl/lu/research/online/editions/1229/index.html> (дата обращения: 18.09.2020).

Л и т е р а т у р а

Бондарко 2001 — Н. А. Бондарко. Средневерхненемецкая грамота XIII в. как жанр деловой прозы // Ученые записки молодых филологов. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2001. С. 5–25.

Борковский 1944 — В. И. Борковский. Смоленская грамота 1299 года — русский памятник // Ученые записки Ярославского государственного педагогического института. Вып. I. Гуманитарные науки. 1944. С. 27–46.

Борковский 1958 — В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот. Сложное предложение. М.: Изд-во АН СССР, 1958.

Гиппиус 1996 — А. А. Гиппиус. «Русская правда» и «Вопрошание Кирика» в Новгородской кормчей 1282 г. (к характеристике языковой ситуации древнего Новгорода) // Славяноведение. 1996. № 1. С. 48–62.

Голубовский 1895 — П. В. Голубовский. История Смоленской земли до начала XV ст. Киев, 1895.

Живов 2002 — В. М. Живов. История русского права как лингвосомиотическая проблема. Postscriptum // В. М. Живов. Разыскания в области истории и предистории русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 187–305.

Зализняк 1981 — А. А. Зализняк. Противопоставление относительных и вопросительных местоимений в древнерусском // Балто-славянские исследования 1980. М.: Наука, 1981. С. 89–107.

Зализняк, Янин 1992/93 — А. А. З а л и з н я к, В. Л. Я н и н. Вкладная грамота Варлаама Хутынского // *Russian Linguistics*. 1992/93, 16 (2/3). С. 185–202.

Зимин 1953 — А. А. З и м и н. 1229 г. Договор Смоленска с Ригию и Готским берегом // А. А. Зимин (сост.). Памятники права феодально-раздробленной Руси. XII–XV вв. (Памятники русского права. Вып. 2). М.: Гос. изд-во юридической литературы, 1953. С. 54–98.

Иванов, Кузнецов 2009 — А. И в а н о в, А. К у з н е ц о в. Смоленско-рижские акты: XIII в. — первая половина XIV в.: Документы комплекса *Moscowitica* — *Ruthenica* об отношениях Смоленска и Риги. (Исторические источники. Вып. 6). Рига: Латвийский государственный исторический архив; Латвийское общество архивистов; Институт исследования Латгалии Даугавпилсского университета, 2009.

Колесов 1989 — В. В. К о л е с о в. Древнерусский литературный язык. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1989.

Кошкин 2008 — И. С. К о ш к и н. Русско-германские языковые контакты в грамотах Северо-Запада Руси XII–XV вв. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008.

Кучкин 1966 — В. А. К у ч к и н. О древнейших смоленских грамотах // *История СССР*. 1966. 2. С. 103–114.

Лавров 1941 — Б. В. Л а в р о в. Условные и уступительные предложения в древнерусском языке. М.; Л., 1941.

Ларин 2005/1975 — Б. А. Л а р и н. Лекции по истории русского литературного языка (X — середина XVIII в.). 2-е изд., испр. СПб.: Авалон: Азбука-классика, 2005.

Лихачев 1928 — Н. П. Л и х а ч е в. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Л., 1928.

Литвина 2002 — А. Ф. Л и т в и н а. Аренга: судьба латинской формулы в восточнославянских документах // Т. М. Николаева (отв. ред.). Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 315–351.

Пенькова 2014 — Я. А. П е н ь к о в а. К вопросу о семантике так называемого будущего сложного II в древнерусском языке (на материале «Жития Андрея Юродивого») // *Русский язык в научном освещении*. 2014. № 1 (27). С. 150–184.

Пенькова 2018 — Я. А. П е н ь к о в а. От ретроспективности к проспективности: грамматикализация предбудущего в языках Европы // *Вопросы языкознания*. 2018. № 2. С. 53–70.

Пенькова 2019 — Я. А. П е н ь к о в а. Второе будущее (предбудущее) в древне-новгородском диалекте: время или наклонение? // *Russian Linguistics*. 2019. 43 (1). С. 65–78.

Петрухин 2012 — П. В. П е т р у х и н. К вопросу о языке Смоленской договорной грамоты 1229 г. // От значения к форме, от формы к значению: Сборник статей в честь 80-летия члена-корреспондента РАН Александра Владимировича Бондарко. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 477–488.

Петрухин 2013 — П. В. П е т р у х и н. О датировке списка А договора Смоленска с Ригией и Готским берегом // *Лингвистическое источниковедение и история русского языка* (2012–2013). 2013. С. 161–178.

Подтергер 2021 — И. А. П о д т е р г е р а. Смоленская грамота 1229 года в научном освещении // И. М. Ладыженский, М. А. Пузина (отв. ред.). *Sub specie aeternitatis*: Сборник научных статей к 60-летию Вадима Борисовича Крысько. М.: ИЦ Азбуковник: ЛЕКСРУС, 2021. С. 686–714.

Сквайрс, Фердинанд 2002 — E. P. S q u a i r s, C. H. F e r d i n a n d. Ганза и Новгород. Языковые аспекты исторических контактов. М.: Индрик, 2002.

Соболевский 2006/1886 — A. I. S o b o l e v s k i y. Смоленско-полоцкий говор в XIII–XV вв. // A. I. Соболевский. Труды по истории русского языка. Т. 2. Статьи и рецензии. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 121–132.

Схакен 2002 — Й. С к а х е н. Цоканье в смоленских грамотах XIII–XIV вв. // A. A. Гиппиус et al. (ред.). Берестяные грамоты. 50 лет открытия и изучения. Материалы международной конференции. Великий Новгород, 24–27 сентября 2001 г. М.: Индрик, 2002. С. 321–331.

Успенский 1950 — С. М. У с п е н с к и й. Язык смоленских грамот XII–XIV вв. // Филологический сборник. Смоленск: Смоленское областное гос. изд-во, 1950. С. 5–148.

Хрусталёв, Бондарь 2011 — Д. Г. Х р у с т а л ё в, Л. Д. Б о н д а р ь. Проект торгового соглашения Новгорода с Любеком и Готландом 1268/1269 гг. (латинская грамота) // Новгородский исторический сборник. 2011. 12 (22). С. 453–480.

Чиркова 2019 — A. B. Ч и р к о в а. Западноевропейская дипломатика Средних веков и Раннего Нового времени. СПб.: Нестор-История, 2019.

Якубинский 1953 — Л. П. Я к у б и н с к и й. История древнерусского языка. М.: Гос. уч.-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1953.

Янин 1970 — В. Л. Я н и н. К вопросу о датировке экземпляров Д и К «Смоленской правды» // Археографический ежегодник за 1968 год. М.: Наука, 1970. С. 102–108.

Boonen 2010 — U. K. B o o n e n. Die mittelniederländische Urkundensprache in Privaturkunden des 13. und 14. Jahrhunderts. Vorlagen, Normierung, Sprachgebrauch (Niederlande-Studien. Bd. 47). Münster etc.: Waxmann, 2010.

Bratishenko 2002 — E. B r a t i s h e n k o. On the authorship of the 1229 Smolensk–Riga trade treaty // Russian Linguistics. 2002. 26. P. 345–361.

Bunge 1853 — F. G. B u n g e, von (= Ф. А. Бунге). Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten. Bd. 1 (1093–1300). Reval; Dorpat, 1853 [= LUB I].

Dreessen, Ihden 2016 — K. D r e e s s e n, S. I h d e n. Mittelniederdeutsche Schragen des Baltikums. Eine textlinguistische Untersuchung Tallinner und Rigaer Zunftordnungen des 14. bis 16. Jahrhunderts // Niederdeutsches Jahrbuch. 2016. 139. S. 7–36.

Fichtenau 1957 — H. F i c h t e n a u. Spätantike und Mittelalter im Spiegel von Urkundenformeln. (Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung. Erg.-Bd. 18). Graz; Köln: Verl. H. Böhlau Nachf., 1957.

Figge 1978 — U. L. F i g g e. Zum konditionalen Relativsatz im Lateinischen und im Französischen // Romanistisches Jahrbuch. 1978. 29. S. 17–32.

Fortuin 2011 — E. F o r t u i n. Iconicity, economy and frequency: the paratactic conditional perfective present construction in Russian // Russian Linguistics. 2011. 35 (1). P. 89–123.

Goetz 1916 — L. K. G o e t z. Deutsch-Russische Handelsverträge des Mittelalters. (Abh. des Hamburgischen Kolonialinstituts. Bd. 37. Reihe A. Rechts- und Staatswissenschaften. Bd. 6). Hamburg, 1916.

Haye 2005 — T. H a y e. Lateinische Oralität. Gelehrte Sprache in der mündlichen Kommunikation des hohen und späten Mittelalters. Berlin; New York: W. de Gruyter, 2005.

Kiparsky 1939 — V. K i p a r s k y. Rezension zu: [Gertrud Schmidt, Das Eindringen der hochdeutschen Schriftsprache in der Rigaschen Ratskanzlei (Mitteilungen aus der baltischen Geschichte [N. F. der Mitteilungen a. d. livländischen Geschichte], herausg.

von der Gesellschaft für Geschichte u. Altertumskunde zu Riga, 1. Band, 1. Heft) Riga, 1938. Verlag E. Bruhns, Buchhandlung, VIII + 88 Seiten in 8⁰, 17 Abbildungen der Handschriftenproben] // Neuphilologische Mitteilungen. 1939. 40 (1). S. 83–87.

Kiparsky 1960 — V. K i p a r s k y. Wer hat den Handelsvertrag zwischen Smolensk und Riga vom J. 1229 aufgesetzt? // Neuphilologische Mitteilungen. 1960. 61 (2). S. 244–247.

Klenin 1983 — E. K l e n i n. Animacy in Russian. A new interpretation. (UCLA Slavic Studies. Vol. 6). Columbus, Ohio: Slavica Publishers, 1983.

Klenin 2003 — E. K l e n i n. The Smolensk trade treaty of 1229 (copy A): observations on pragmatics, text boundaries, and orthographic variation // Русский язык в научном освещении. 2003. № 2 (6). С. 247–259.

Kunik 1868 — A. A. K u n i k. Anhang. № I. Handelsvertrag des Fürsten Mstislav II. Dawydowitsch von Smolensk mit Riga und der niederdeutschen Handelsgesellschaft auf Gothland im J. 1229. Nach drei Redactionen. № II. Erneuter Handelsvertrag eines Fürsten von Smolensk mit Riga und Gothland, in welchem die gegenseitigen Rechte und Pflichten russischer und deutscher Kaufleute auf Grundlage des Vertrages von Mstislav Dawydowitsch festgestellt werden. (Ohne Datum, zwischen 1230–1270, vielleicht von einem Fürsten Rostislav zwischen 1240–1250 abgefasst.) // [Napierky 1868: 403–453].

Lehrberg 1816 — A. Chr. L e h r b e r g. Untersuchungen zur Erläuterung der älteren Geschichte Russlands. St. Petersburg, 1816.

Lötscher 1992 — A. L ö t s c h e r. Relativsätze mit konditionaler Funktion im Mittelhochdeutschen — Reanalyse oder Grammatikalisierung? // Folia Linguistica Historica. XIII (1/2). S. 167–187.

Nagel 2002 — N. N a g e l. Die mittelniederdeutschen Wunstorfer Urkunden von 1290 und 1303 — zwei Fälschungen aus dem 14. Jahrhundert? Ein Beitrag zum Stand der Erforschung der mittelniederdeutschen Urkunden der Zeit um 1300 // Niederdeutsches Jahrbuch. 2002. 125. S. 27–81.

Napierky 1868 — K. E. N a p i e r s k y. Russisch-livländische Urkunden. St. Petersburg, 1868.

Peters 2012/1986 — R. P e t e r s. Das Mittelniederdeutsche als Sprache der Hanse // Peters R. Mittelniederdeutsche Studien. Gesammelte Schriften 1974 bis 2003 / Hrsg. von R. Langhanke. Bielefeld: Verl. für Regionalgeschichte, 2012. S. 279–297.

Petrukhin 2013 — P. P e t r u k h i n. War der deutsch-russische Vertrag von 1229 das erste Dokument in mittelniederdeutscher Sprache? // Niederdeutsches Jahrbuch. 2013. 136. S. 7–19.

Reiffenstein 1969 — I. R e i f f e n s t e i n. Deutschsprachige Arengen des 13. Jh.s // D. Albrecht et al. (Hrsg.). Festschrift für Max Spindler zum 75. Geburtstag. München: Beck, 1969. S. 177–192.

Reiffenstein 1986 — I. R e i f f e n s t e i n. Zur Begründung der Schriftlichkeit in deutschen Urkunden des 13. Jahrhunderts // K. Hauck et al. (Hrsg.). Sprache und Recht. Beiträge zur Kulturgeschichte des Mittelalters. Festschrift für Ruth Schmidt-Wiegand zum 60. Geburtstag. Bd. II. Berlin; New York: W. de Gruyter, 1986. S. 659–669.

Rossignol, Adamska 2016 — S. R o s s i g n o l, A. A d a m s k a (Hrsg.). Urkundenformeln im Kontext. Formen der Schriftkultur im Ostmitteleuropa des Mittelalters (13.–14. Jahrhundert) (Veröffentlichungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung. Bd. 65). Wien: Böhlau, 2016.

Schaeken 2001 — J. S c h a e k e n. L'orthographe de la charte de Smolensk de 1229, version A // Slavica occitania. 2001. 12. S. 327–341.

Schaeken 2003 — J. S c h a e k e n. Zur Spracheinheit im Korpus der Smolensker Urkunden des 13.–14. Jahrhunderts // S. Kempgen, U. Schweier, T. Berger (Hrsg.). Русско-

тика — Славистика — Лингвистика. Festschrift für Werner Lehfeldt zum 60. Geburtstag (Die Welt der Slaven. Sammelbände/Сборники. Bd. 19). München: Sagner, 2003. S. 261–272.

Schulze 1975 — U. S c h u l z e. Lateinisch-Deutsche Parallelurkunden des 13. Jahrhunderts. Ein Beitrag zur Syntax der mittelhochdeutschen Urkundensprache. (Medium aevum. Philologische Studien. Bd. 30). München: Willhelm Fink Verlag, 1975.

Schulze 2011 — U. S c h u l z e. Studien zur Erforschung der deutschsprachigen Urkunden des 13. Jahrhunderts. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2011.

Sonderegger 1987 — S. S o n d e r e g g e r. Die ältesten deutschsprachigen Urkunden aus der Schweiz // M. Dyhr, J. Olsen (Hrsg.). Festschrift für Karl Hyldgaard-Jensen (Kopenhagener Beiträge zur germanistischen Linguistik. Sonderband 3). Kopenhagen: Reitzel, 1987. S. 248–263.

Squires 2009 — C. S q u i r e s. Die Hanse in Novgorod: Sprachkontakte des Mittel-niederdeutschen mit dem Russischen: mit einer Vergleichsstudie über die Hanse in England (Niederdeutsche Studien. Bd. 53). Köln etc.: Böhlau, 2009.

Steinbauer 1989 — B. S t e i n b a u e r. Rechtsakt und Sprechakt. Pragmalinguistische Untersuchungen zu deutschsprachigen Urkunden des 13. Jahrhunderts (Innsbrucker Beiträge zur Kulturwissenschaft. Germanistische Reihe. Bd. 36). Innsbruck: Inst. für Germanistik, 1989.

Tobien 1845 — E. S. T o b i e n. Die Handels-Verträge Riga's und Gothland's mit Smolensk, vom Jahre 1228 und 1229 n. Chr. // E. S. Tobien (Hrsg.). Sammlung kritisch-bearbeiteter Quellen der Geschichte des russischen Rechtes. Bd. I. Die Prawda Russkaja und die ältesten Tractate Russlands. Dorpat; Leipzig, 1845. S. 42–72.

Ullsperger 1880 — F. U l l s p e r g e r. Über die syntaktische Verwendung der Verbindung 'wan daz' im Mittelhochdeutschen // Programm des k. k. Staats-Ober-Gymnasiums zu Eger (Böhmen) für das Jahr 1880. Eger, 1880. S. I–XX.

Wilk-Woś 2016 — Z. W i l k - W o ś. *Memoriae commendare*. Memorative Arengen in den Urkunden der Gnesener Erzbischöfe im 14. Jahrhundert // [Rossignol, Adamska 2016: 149–163].

Winkelmann 1991 — O. W i n k e l m a n n. Zur Ablösung des Lateins durch das Französische als Urkundensprache. (Eichstätter Hochschulreden. H. 80). Regensburg: Verlag F. Pustet, 1991.

Wójcik 2016 — M. W ó j c i k. *Diploma Opoliense*. Das Formular der Oppelner Herzogsurkunden im 13. Jahrhundert // [Rossignol, Adamska 2016: 119–147].

Статья получена 27.11.2020

Irina Podtergera

Institute of Slavic Studies, Heidelberg University
(Heidelberg, Germany)
irina.podtergera@slav.uni-heidelberg.de

GERMAN, LATIN, AND CHURCH SLAVONIC IN THE LANGUAGE AND TEXT OF THE SMOLENSK TRADE TREATY OF 1229

The Old Russian Smolensk *gramota* of 1229 contains the text of one of the early international treaties between the East Slavs and the society of German traders from Gotland. This article assumes that the older Riga redaction of the treaty was based on Latin linguistic tem-

plates, and that a Middle Low German text was used in the process of drawing up the newer Gotland redaction. The goal of the article is to examine the Smolensk treaty in the context of 13th century Latin and German charters and to ascertain, based on the linguistic composition of select parts of formulae used in it and the syntax of conditional sentences, its connection with the Latin, German, and also the Church Slavonic written traditions. After two introductory sections, in which current views on the dating of both redactions are presented and the problem is stated, the article offers an overview of the results of previous research in which the question of the foreign-language originals of the document has been raised. Emphasis is further laid on linguo-cultural and sociolinguistic aspects of the use of sacred and vernacular languages in writing up legal documents in the 13th century. In the research part of the article, the Smolensk Treaty is analysed with regard to its adherence to Latin formulae, while the reception of these formulae in German is also considered. Very close, nearly word-for-word parallels to the preamble of the Riga redaction of the Treaty can be found in Latin charters composed in Riga in the 13th century. In light of the German tradition of adapting Latin formulae, a new understanding of the preamble of the Gotland redaction is proposed. A systematic analysis of the syntax of conditional constructions makes it possible to demonstrate clearly the differences in the patterns of conditional sentences in both redactions of the treaty, which can be explained by their following different linguistic templates. Some characteristic German syntactic constructions are discovered in the Gotland redaction, while the Riga redaction, which is based on Latin formulae, is shown to be simultaneously associated with the Church Slavonic tradition of legal texts.

Keywords: The 1229 Treaty between Smolensk, Riga and Gotland; Latin diplomatic formulae; German influence on Old East Slavic; language of legal texts; internal and external language contacts

References

- Bondarko, N. A. (2001). Sredneverkhnenemetskaia gramota XIII v. kak zhanr delovoi prozy. In E. V. Dushechkina (Ed.), *Uchenye zapiski molodykh filologov* (pp. 5–25). St Petersburg: Izd-vo S.-Peterburg. un-ta.
- Boonen, U. K. (2010). *Die mittelniederländische Urkundensprache in Privaturkunden des 13. und 14. Jahrhunderts. Vorlagen, Normierung, Sprachgebrauch*. Münster: Waxmann.
- Borkovsky, V. I. (1958). *Sintaksis drevnerusskikh gramot. Slozhnoe predlozhenie*. Moscow: Izd-vo AN SSSR.
- Bratishenko, E. (2002). On the authorship of the 1229 Smolensk–Riga trade treaty. *Russian Linguistics*, 26, 345–361.
- Chirkova, A. V. (2019). *Zapadnoevropeiskaia diplomatika Srednikh vekov i Rannego Novogo vremeni*. St Petersburg: Nestor-Istoriia.
- Dreessen, K., & Ihden, S. (2016). Mittelniederdeutsche Schragen des Baltikums. Eine textlinguistische Untersuchung Tallinner und Rigaer Zunftordnungen des 14. bis 16. Jahrhunderts. *Niederdeutsches Jahrbuch*, 139, S. 7–36.
- Fichtenau, H. (1957). *Spätantike und Mittelalter im Spiegel von Urkundenformeln*. Graz; Köln: Verl. H. Böhlau Nachf.
- Figge, U. L. (1978). Zum konditionalen Relativsatz im Lateinischen und im Französischen. *Romanistisches Jahrbuch*, 29, 17–32.
- Fortuin, E. (2011). Iconicity, economy and frequency: the paratactic conditional perfective present construction in Russian. *Russian linguistics*, 35(1), 89–123.

- Gippius, A. A. (1996). «Russkaia pravda» i «Voproshanie Kirika» v Novgorodskoi kormchei 1282 g. (k kharakteristike yazykovoi situatsii drevnego Novgoroda). *Slavianovedenie*, 1, 48–62.
- Haye, T. (2005). *Lateinische Oralität. Gelehrte Sprache in der mündlichen Kommunikation des hohen und späten Mittelalters*. Berlin; New York: W. de Gruyter.
- Ivanov, A., & Kuznetsov, A. (2009). *Smolensko-rizhskie akty: XIII v. — pervaiia polovina XIV v.: Dokumenty kompleksa Moscovitica — Ruthenica ob otnosheniakh Smolenska i Rigi*. Riga: Latviiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv; Latviiskoe obshchestvo arkhivistov; Institut issledovaniia Latgalii Daugavpilsskogo universiteta.
- Khrustalev, D. G., & Bondar', L. D. (2011). Proekt torgovogo soglasheniia Novgoroda s Liubekom i Gotlandom 1268/1269 gg. (latinskaia gramota). *Novgorodskii istoricheskii sbornik*, 12(22), 453–480.
- Kiparsky, V. (1960). Wer hat den Handelsvertrag zwischen Smolensk und Riga vom J. 1229 aufgesetzt? *Neuphilologische Mitteilungen*, 61(2), 244–247.
- Klenin, E. (1983). *Animacy in Russian. A new interpretation*. Columbus, Ohio: Slavica Publishers.
- Klenin, E. (2003). The Smolensk trade treaty of 1229 (copy A): observations on pragmatics, text boundaries, and orthographic variation. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2(6), 247–259.
- Kolesov, V. V. (1989). *Drevnerusskii literaturnyi yazyk*. Leningrad: Izd-vo Leningrad. un-ta.
- Koshkin, I. S. (2008). *Russko-germanskie yazykovye kontakty v gramotakh Severo-Zapada Rusi XII–XV vv.* St Petersburg: Izd-vo S.-Peterburg. un-ta.
- Kuchkin, V. A. (1966). O drevneishikh smolenskikh gramotakh. *Istoriia SSSR*, 2, 103–114.
- Larin, B. A. (2005). *Lektsii po istorii russkogo literaturnogo yazyka (X — seredina XVIII v.)*. 2nd ed. St Petersburg: Avalon; Azbuka-klassika.
- Litvina, A. F. (2002). *Arenga: sud'ba latinskoj formuly v vostochnoslavianskikh dokumentakh*. In T. M. Nikolaeva (Ed.), *Slavianskaia yazykovaia i etnoyazykovaia sistemy v kontakte s neslavianskim okruzeniem* (pp. 315–351). Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.
- Lötscher, A. (1992). Relativsätze mit konditionaler Funktion im Mittelhochdeutschen — Reanalyse oder Grammatikalisierung? *Folia Linguistica Historica*, 13(1/2), 167–187.
- Nagel, N. (2002). Die mittelniederdeutschen Wunstorfer Urkunden von 1290 und 1303 — zwei Fälschungen aus dem 14. Jahrhundert? Ein Beitrag zum Stand der Erforschung der mittelniederdeutschen Urkunden der Zeit um 1300. *Niederdeutsches Jahrbuch*, 125, 27–81.
- Penkova, Ya. A. (2014). K voprosu o semantike tak nazyvaemogo budushchego slozhnogo II v drevnerusskom yazyke (na materiale «Zhitii Andreia Yurodivogo»). *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 1(27), 150–184.
- Penkova, Ya. A. (2018). Ot retrospektivnosti k prospektivnosti: grammatikalizatsiia predbudushchego v yazykakh Evropy. *Voprosy jazykoznanija*, 2, 53–70.
- Penkova, Ya. A. (2019). Vtoroe budushchee (predbudushchee) v drevnenovgorodskom dialekte: vremia ili naklonenie? *Russian linguistics*, 43(1), 65–78.
- Peters, R. (2012). *Mittelniederdeutsche Studien. Gesammelte Schriften 1974 bis 2003*. Bielefeld: Verl. für Regionalgeschichte.
- Petrukhin, P. (2013). War der deutsch-russische Vertrag von 1229 das erste Dokument in mittelniederdeutscher Sprache? *Niederdeutsches Jahrbuch*, 136, 7–19.

Petrukhin, P. V. (2012). K voprosu o yazyke Smolenskoi dogovornoj gramoty 1229 g. In M. Voeikova (Ed.), *Ot znacheniiia k forme, ot formy k znacheniiu: Sbornik statei v chest' 80-letiiia chlena-korrespondenta RAN Aleksandra Vladimirovicha Bondarko* (pp. 477–488). Moscow: Yazyki slavianskikh kul'tur.

Petrukhin, P. V. (2013). O datirovke spiska A dogovora Smolenska s Rigoi i Gotskim beregom. In *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriia russkogo yazyka (2012–2013)* (pp. 161–178). Moscow: Drevlekhranilishche.

Podtergera, I. A. (2021). Smolenskaia gramota 1229 goda v nauchnom osveshchenii. In I. M. Ladyzhenskii, M. A. Puzina (Ed.), *Sub specie aeternitatis: Sbornik nauchnykh statei k 60-letiiu Vadima Borisovicha Kry's'ko* (pp. 686–714). Moscow: ITs Azbukovnik; LEKSRUS.

Reiffenstein, I. (1969). Deutschsprachige Arengen des 13. Jh.s. In D. Albrecht et al. (Ed.), *Festschrift für Max Spindler zum 75. Geburtstag* (pp. 177–192). München: Beck.

Reiffenstein, I. (1986). Zur Begründung der Schriftlichkeit in deutschen Urkunden des 13. Jahrhunderts. In K. Hauck et al. (Ed.), *Sprache und Recht. Beiträge zur Kulturgeschichte des Mittelalters. Festschrift für Ruth Schmidt-Wiegand zum 60. Geburtstag* (Bd. 2, pp. 659–669). Berlin; New York: W. de Gruyter.

Rossignol, S., & Adamska, A. (Eds.). (2016). *Urkundenformeln im Kontext. Formen der Schriftkultur im Ostmitteleuropa des Mittelalters (13.–14. Jahrhundert)*. Wien: Böhlau.

Schaeken, J. (2001). L'orthographe de la charte de Smolensk de 1229, version A. *Slavica occitania*, 12, 327–341.

Schaeken, J. (2002). Tsokan'e v smolenskikh gramotakh XIII–XIV vv. In A. A. Gippius et al. (Ed.), *Berestiane gramoty. 50 let otkrytiia i izucheniia. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii. (Velikii Novgorod, 24–27 sentiabria 2001 g.)* (pp. 321–331). Moscow: Indrik.

Schaeken, J. (2003). Zur Spracheinheit im Korpus der Smolensker Urkunden des 13.–14. Jahrhunderts. In S. Kempgen, U. Schweier, & T. Berger (Eds.), *Rusistika — Slavistika — Lingvistika. Festschrift für Werner Lehfeldt zum 60. Geburtstag* (pp. 261–272). München: Sagner.

Schulze, U. (1975). *Lateinisch-Deutsche Parallelurkunden des 13. Jahrhunderts. Ein Beitrag zur Syntax der mittelhochdeutschen Urkundensprache*. München: Willhelm Fink Verlag.

Schulze, U. (2011). *Studien zur Erforschung der deutschsprachigen Urkunden des 13. Jahrhunderts*. Berlin: Erich Schmidt Verlag.

Sobolevsky, A. I. (2006). *Trudy po istorii russkogo yazyka*. Moscow: Yazyki slavianskikh kul'tur.

Sonderegger, S. (1987). Die ältesten deutschsprachigen Urkunden aus der Schweiz. In M. Dyhr, & J. Olsen (Eds.), *Festschrift für Karl Hylgaard-Jensen* (pp. 248–263). Copenhagen: Reitzel.

Squires, E. R., & Ferdinand, S. N. (2002). *Ganza i Novgorod. Yazykovye aspekty istoricheskikh kontaktov*. Moscow: Indrik.

Squires, C. (2009). *Die Hanse in Novgorod: Sprachkontakte des Mittelniederdeutschen mit dem Russischen: mit einer Vergleichsstudie über die Hanse in England*. Köln: Böhlau.

Steinbauer, B. (1989). *Rechtsakt und Sprechakt. Pragmalinguistische Untersuchungen zu deutschsprachigen Urkunden des 13. Jahrhunderts*. Innsbruck: Inst. für Germanistik.

Uspenskii, S. M. (1950). Yazyk smolenskikh gramot XII–XIV vv. In L. G. Kaianidi (Ed.), *Filologicheskii sbornik* (pp. 5–148). Smolensk: Smolenskoe oblastnoe gos. izd-vo.

Wilk-Woś, Z. (2016). Memoriae commendare. Memorative Arengen in den Urkunden der Gnesener Erzbischöfe im 14. Jahrhundert. In Rossignol, S., & Adamska, A. (Eds.), *Urkundenformeln im Kontext. Formen der Schriftkultur im Ostmitteleuropa des Mittelalters (13.–14. Jahrhundert)* (pp. 149–163). Wien: Böhlau.

Winkelmann, O. (1991). *Zur Ablösung des Lateins durch das Französische als Urkundensprache*. Regensburg: Verlag F. Pustet.

Wójcik, M. (2016). Diploma Opoliense. Das Formular der Oppelner Herzogsurkunden im 13. Jahrhundert. In Rossignol, S., & Adamska, A. (Eds.), *Urkundenformeln im Kontext. Formen der Schriftkultur im Ostmitteleuropa des Mittelalters (13.–14. Jahrhundert)* (pp. 119–147). Wien: Böhlau.

Yakubinsky, L. P. (1953). *Istoriia drevnerusskogo yazyka*. Moscow: Gos. uch.-ped. izd-vo Ministerstva prosveshcheniia RSFSR.

Yanin, V. L. (1970). K voprosu o datirovke ekzempiarov D i K «Smolenskoi pravdy». In S. O. Shmidt (Ed.), *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1968 god* (pp. 102–108). Moscow: Nauka.

Zaliznyak, A. A. (1981). Protivopostavlenie otnositel'nykh i voprositel'nykh mest imenii v drevnerusskom. In V. V. Ivanov (Ed.), *Balto-slavianskie issledovaniia 1980* (pp. 89–107). Moscow: Nauka.

Zaliznyak, A. A., & Yanin, V. L. (1992–1993). Vkladnaia gramota Varlaama Khutynskogo. *Russian linguistics*, 16(2/3), 185–202.

Zhivov, V. M. (2002). *Razyskaniia v oblasti istorii i predystorii russkoi kul'tury*. Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.

Zimin, A. A. (1953). 1229 g. Dogovor Smolenska s Rigoiu i Gotskim beregom. In A. A. Zimin (Ed.), *Pamiatniki prava feodal'no-razdroblennoi Rusi. XII–XV vv.* (pp. 54–98). Moscow: Gos. izd-vo iuridicheskoi literatury.

Received on November 27, 2020